

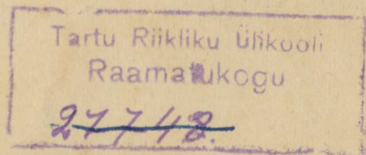
4XVA-9795

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАННЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ ЮРЬЕВСКИМЪ
УНИВЕРСИТЕТОМЪ

по случаю столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина
26 мая 1899 г.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Маттисена.

1899.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета“
1899 года.

4 XV A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

9795

Настоящій сборникъ явился литературнымъ выраженіемъ того участія, какое принялъ Императорскій Юрьевскій Университетъ 26 мая 1899 г. въ чествованіи столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина. Сюда вошли: 1) Слово, произнесенное проф. Царевскимъ въ университетской церкви на заупокойной литургіи; 2) рѣчи профф. Пѣтухова, Срезневскаго, Чижа и Шмурло, лекторовъ Германа и Лаутенбаха, произнесенныя въ актовомъ залѣ Университета, во время торжественнаго засѣданія въ память великаго поэта, и 3) статья проф. Шмурло о маскѣ и письмѣ Пушкина, хранящихся въ библіотекѣ Юрьевскаго Университета.

Я еще
 Былъ молодъ, но уже судьба
 Меня борьбой неравной истомила;
 Я былъ ожесточень. (Соч. II. 183)¹⁾.

Новую пищу ожесточенію дала молодому изгнаннику какъ разъ та родная семья, въ которой онъ всего скорѣе могъ бы надѣяться встрѣтить пониманіе и нравственную поддержку. Поводъ къ первому же, весьма крупному недоразумѣнію подалъ отецъ П-на, совершенно не понявшій того положенія, которое онъ долженъ былъ бы занять относительно сына. Маркизь Ф. О. Паулуччи, лифляндскій и курляндскій генераль-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда и Псковская губернія, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства Пещурову пригласить отца П-на принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына и слѣдить за его перепиской, причемъ въ оффиціальной бумагѣ по этому поводу назвалъ Сергѣя Львовича „однимъ изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей“; Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе. Что изъ этого вышло, о томъ менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ деревню П. писалъ Жуковскому (31 окт. 1824): „Пріѣхавъ сюда, былъ я всеми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. . . Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе; я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. . . Желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова. . . Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ

1) Ссылки вездѣ сдѣланы по изданію Литературнаго Фонда, подъ ред. П. О. Морозова. Т. I—VII. Спб. 1887.

верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. . . Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. . . Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ . . . потомъ, что хотѣлъ бить! . . . Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? . . . Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра“ (VII. 88)¹⁾. Мать П-на всецѣло стояла въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ мужа, неограниченнымъ вліяніемъ на котораго пользовалась въ продолженіе всей своей жизни (ум. въ 1836 году, а Сергѣй Львовичъ въ 1848). Можно себѣ представить, что ожидало бы П-на, если бы обвиненію отца данъ былъ естественный ходъ. Но въ дѣло вмѣшался Жуковскій и своимъ посредничествомъ дѣйствительно „спасъ“ поэта, который справедливо предполагалъ (въ черновомъ наброскѣ того же письма къ Жуковскому), что „шутка эта пахнетъ каторгой“: въ ноябрѣ того же 1824 года отецъ П-на со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

Но одиночество поэта оказалось неполнымъ. Въ трехъ

1) Въ то же время П. писалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу: „Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье своихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволилъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей“ (VII. 89).

верстахъ отъ Михайловскаго лежало (какъ и теперь) село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой и ея семейству. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья Прасковьи Александровны, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла дѣтей — Алексѣя Николаевича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксию, а отъ втораго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери — Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени наѣзжали нѣсколько молодыхъ родственницъ хозяйки и между ними Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклешова), которой П. признавался въ любви (I. 328—329) и Анна Петровна Кернъ (рожд. Полторацкая), поразившая Пушкина въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ выѣздомъ его изъ столицы, своей красотой и возбудившая въ поэтѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщичья семья, жившая дружно и весело, вполне интеллигентная, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей П-ныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже тогда пользовавшагося значительной литературной извѣстностью, должно было возбудить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Въ началѣ знакомство съ Тригорскимъ повидимому не показалось для П-на особенно привлекательнымъ: въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ кн. В. Ѳ. Вяземской о „бѣшенствѣ скуки, которая пожираетъ его глупое существованіе“, а въ началѣ декабря того же года — сестрѣ Ольгѣ: „твои Тригорскія пріятельницы — несносны . . ., кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы“ (VII. 93. 99). Но вскорѣ затѣмъ взглядъ его на сосѣдей измѣнился, и не только онъ былъ любимымъ и желаннымъ гостемъ въ

Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ нерѣдко цѣлые дни то въ забавахъ и шуткахъ, то просиживая за книгами въ библиотекѣ покойнаго отца П. А. Осиповой Вандомскаго; видную роль въ этихъ развлеченияхъ играли конечно и литературныя шалости, большею частью любовнаго характера, на которыя былъ такъ неистощимо щедръ П. и которыми онъ наполнялъ семейные альбомы Тригорскаго. Особенно замѣчательнъ между этими альбомами, составлявшими тогда необходимую принадлежность всякаго сколько-нибудь образованнаго семейства, былъ альбомъ хозяйки дома Прасковьи Александровны, описанный въ свое время покойнымъ М. И. Семевскимъ, которому русская біографическая литература многимъ обязана въ сохраненіи фактовъ интимной жизни П-на въ памятные годы его пребыванія въ Михайловскомъ: „въ теченіе цѣлаго полустолѣтія вписывалось сюда его обладательницей, дочерьми ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства П. А. Осиповой съ этимъ альбомомъ“; въ него вошли произведенія Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго, стихи Карамзина, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Козлова, Баратынскаго, барона Дельвига, Воейкова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Федора Глинки, Хомякова, Крылова, Плетнева, Гнѣдича, Языкова и самого Пушкина¹⁾. Въ этотъ альбомъ П., между прочимъ, вписалъ 25 іюня 1825 года, подъ впечатлѣніемъ мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки:

Быть можетъ, ужъ не долго мнѣ
 Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
 Вздыхать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.

1) М. Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869 г., ноябрь, стр. 65—67.

Но и вдали, въ краю чужомъ,
 Я буду мыслию всегдашней
 Бродить Тригорскаго кругомъ,
 Въ лугахъ у рѣчки, надъ холмомъ,
 Въ саду подъ сѣнью липъ домашней!

(I. 349—350).

И эту трогательную привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ П. до послѣднихъ лѣтъ своей жизни. „Повѣрьте мнѣ — писалъ онъ въ октябрь 1835 года Осиповой — жизнь при всемъ томъ, что она „сладкая привычка“, содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой она наконецъ дѣлается противною; свѣтъ же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское“, а два мѣсяца спустя — ей же: „когда я подумаю, что уже 10 лѣтъ прошло со времени тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, мнѣ кажется, что я видѣлъ сонъ: сколько событий, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ собственныхъ взглядовъ, моего положенія и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ Вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимую (VII. 388. 390).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское, исключая природы, представляютъ очень мало такого, что бы напоминало время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Время, обстоятельства и — правду сказать — наше собственное невниманіе къ памяти нашихъ великихъ людей стерли живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни П-на. Михайловское принадлежитъ теперь сыну поэта, отставному генералу Григ. А. Пушкину, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ лишь флигель, въ которомъ, говорятъ, жила няня поэта — знаменитая Арина Родіоновна; вещей отъ П-на того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то имъ въ настоящее время владѣетъ баронесса

Соф. Бор. Вревская, родная дочь той самой Евпраксіи Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за барона Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году П. посвятилъ граціозное стихотвореніе :

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись! . . .

и которая, по мнѣнію П. В. Анненкова¹⁾, послужила оригиналомъ для созданія образа Ольги въ „Евгени Онѣгинъ“, подобно тому, какъ ея сестра Анна Николаевна считается прототипомъ Татьяны. Но сама владѣлица Тригорскаго теперь тамъ не живетъ, избравши для себя другое имѣніе, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Голубово, гдѣ въ ея семьѣ и до сихъ поръ свято хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы „Онѣгина“ изд. 1828 года, съ собственноручной надписью П-на для Евпраксіи Николаевны: „твоя отъ твоихъ“²⁾. Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, видѣвшихъ Пушкина собственными глазами, осталась теперь лишь одна Екатерина Ивановна Фокъ, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребыванія поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни³⁾.

Та среда, въ которой вращался П. въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловскомъ явился П. послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумной и праздно-разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, среди компаніи случайныхъ людей съ безсемеинымъ и свободнымъ образомъ жизни, то легко себѣ представить, какое благотворное вліяніе могла

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279.

2) В. Острогорскій. Пушкинскій уголокъ земли. Міръ Божій 1898, сентябрь, стр. 204—207.

3) Острогорскій, стр. 227—228.

имѣть эта среда на поэта, впечатлительная и воспримчивая натура котораго всегда, до послѣднихъ дней своей жизни, искала и высоко цѣнила тѣ духовныя блага, которыя можетъ дать человѣку хорошая семья — тѣмъ болѣе, что собственная семья П-на, особенно въ данную эпоху, представляла для него въ этомъ отношеніи болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ сторонъ. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ цѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостями-родственницами, могло только самымъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на П-на, обуздывать его порывистыя страсти, возбуждать къ поэтической дѣятельности и предоставлять ему вполне чистую въ нравственномъ отношеніи атмосферу для отдыха и развлечения отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая впрочемъ была непостоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго изъ прежнихъ товарищей П-на и гостей собственно П. А. Осиповой.

На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на юридическомъ факультетѣ). Почти каждыя вакаціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для П-на интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начитанности и серьезности. Едва проводивъ А. Н. Вульфа, П. 20 сентября 1824 года уже писалъ ему въ Дерптъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!

Пріѣзжай сюда зимой,

Да Языкова поэта
 Затащи ко мнѣ съ собой
 Погулять верхомъ порой,
 Пострѣлять изъ пистолета!

.
 Запируемъ — ужъ молчи!
 Чудо — жизнь анахорета:
 Въ Троегорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы,
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены. (VII. 85)

Но что время у пріятелей проходило не въ однихъ описанныхъ тутъ развлеченіяхъ, это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній П-на о Вульфѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ: „въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ . . . Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной провѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ . . .“ (V. 186).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ выработкѣ неудавшагося плана П-на бѣжать за границу. П., которому такъ и не удалось въ своей жизни повидать чужіе края, постоянно однако же лелѣялъ мечту о поѣздкѣ своей за границу, которая манила его воображеніе широкой свободой общественной жизни и своими литературными и культурными центрами. Еще будучи въ Одессѣ, онъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Льву Сергѣевичу, что не прочь бы, послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ за границу, на которыя послѣдовалъ отказъ, „взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть на Константинополь“ (VII. 68).

Въ Михайловскомъ, не смотря на близость Тригорскаго и непрерывавшіеся поэтическіе труды, онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкій кругъ и при условіяхъ болѣе строгаго наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія и опасеніе провести лучшіе годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлекается мыслию о путешествіи за границу. Подъ вліяніемъ этой мечты П. весной 1825 года проситъ Жуковскаго похлопотать о дозволеніи ему поѣхать за границу для лѣченія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ Государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу П-на какимъ-то новымъ письмомъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе П-ну лѣчиться и жить на это время въ Псковѣ, съ тѣмъ чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами¹⁾. Такой оборотъ дѣла, совершенно обманувшій ожиданія поэта, лишилъ его всякой охоты воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ переѣхать для лѣченія въ Псковъ, о чемъ онъ, между прочимъ, такъ извѣщаль Жуковскаго лѣтомъ того же 1825 года: „Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго Всеволожскаго²⁾, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученномъ свѣтѣ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей. Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность Его Величества“ (VII. 136).

Послѣ этого П. сталъ уже думать о тайномъ побѣгѣ за границу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Повидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался П-нымъ одновременно съ вполнѣ легальными его

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

2) Всеволодова.

попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться за границу, на успѣхъ которыхъ онъ мало рассчитывалъ. Вѣроятно, въ этомъ отношеніи П. былъ неостороженъ и проговаривался о своемъ намѣреніи; по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ ходили въ Петербургѣ, о чемъ съ досадой писалъ П. брату Льву Сергѣевичу еще въ декабрѣ 1824 года: „мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; за чѣмъ мнѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!“ (VII. 97).

Послѣднее замѣчаніе, разумѣется, было неискренно и объясняется желаніемъ П-на отклонить всякія подозрѣнія о побѣгѣ, такъ какъ около того же времени П. кому-то писалъ въ одномъ черновомъ письмѣ: „стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ“¹⁾. Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ прощается съ родными мѣстами передъ побѣгомъ (I. 333). Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года П., послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія лѣчиться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о поѣздкѣ за границу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. Н. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который впрочемъ посвящена была и П. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила „коляска“, будто бы взятая Вульфомъ для переѣзда въ Дерптъ, и судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое П-нымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго „цензора“ должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 285.

власти относительно П-на, подъ замѣтками „наборщиковъ“ — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ¹⁾. А хлопоты въ Дерптѣ заключались главнымъ образомъ въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой поѣздкѣ П-на знаменитаго тогда хирурга профессора Дерптскаго университета И. Ф. Мойера, который бы могъ замолвить слово о П-нѣ передъ маркизомъ Паулуччи: для свиданія съ хирургомъ П. могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими хлопотами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ къ Государю весной 1825 года: именно, на Мойера сталъ дѣйствовать Жуковский, бывший его родственникомъ и другомъ, и, не посвященный въ тайну, имѣя въ виду лишь предполагаемую болѣзнь П-на, просилъ Мойера пріѣхать въ Михайловское осмотрѣть П-на и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями П-на, который вовсе не расположенъ былъ принимать доктора въ Михайловскомъ, а напротивъ самъ рвался оттуда и съ досадой писалъ Вульфъ: „друзья мои и родители вѣчно со мной проказать: теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ. . . Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться“ (VII. 158—159). Въ томъ же смыслѣ, т. е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ П-нъ и самому Мойеру (VII. 142) и Жуковскому, при чемъ бѣдному поэту приходилось всячески хитрить, увѣрять въ полной ненадобности операціи или въ томъ, что „операція аневризма ничего не значить“, и что „первый псковскій коноваль съ нимъ могъ бы управиться“; „все равно — прибавлялъ онъ — умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. . . Погодимъ, авось-либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. . . Посидимъ у моря, пождемъ погоды“ (VII. 150. 163).

1) Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Соч. П-на VII. 158. 164.

Такимъ образомъ, планъ П-на окончился полной неудачей, и онъ продолжалъ оставаться плѣнникомъ Михайловскаго.

Другимъ лицомъ, связывавшимъ П-на съ Дерптомъ, былъ товарищъ Вульфа по Дерптскому университету Н. М. Языковъ, студентъ-филологъ въ 1823—1827 годахъ. Личное знакомство обоихъ поэтовъ произошло лѣтомъ 1826 года, когда Языковъ посѣтилъ Тригорское и Михайловское, но какъ поэтъ П-нъ былъ извѣстенъ Языкову, конечно, гораздо раньше, еще въ бытность Языкова студентомъ Горнаго Института въ Петербургѣ, который онъ окончилъ въ 1820 году. Въ свою очередь, и П. зналъ Языкова по его стихотвореніямъ, начавшимъ появляться въ журналахъ съ 1822 года и сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и читающей публики, такъ что въ 1824 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, П. писалъ ему:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ ;
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью :
Языковъ, близокъ я тебѣ !
Давно-бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей. . . .

И далѣе, указывая на невозможность самому явиться въ Дерптъ, П. приглашаетъ Языкова къ себѣ въ деревню, въ свой „изгнанья темный уголокъ“ (I. 308—309).

Приглашалъ П. Языкова, какъ мы видѣли, и въ по-
сланіи - письмѣ къ Вульффу, писанномъ около того же
времени; одновременно съ этимъ писала брату и сестра
Вульфа, Анна Николаевна, приглашая Языкова зимой въ
Тригорское (VII. 86). Но въ 1824 году Языковъ не пріѣхалъ.
Весною 1825 года приглашала, чрезъ сына, Языкова и
П. А. Осипова (VII. 120), а П. въ каждомъ письмѣ къ
Вульффу не забывалъ и Языкова и въ маѣ 1826 года писалъ:
„жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ
началѣ слѣдующаго мѣсяца. Не правда ли, что вы при-
везете къ намъ и вдохновеннаго (т. е. Языкова)?“ (VII. 179).
Дѣйствительно, въ іюнѣ 1826 года Языковъ пріѣхалъ въ
Тригорское и оставался тамъ около мѣсяца, возвратившись
въ концѣ іюля въ Дерптъ¹⁾. Этотъ пріѣздъ Языкова внесъ
много оживленія въ лѣтнее времяпровожденіе семьи
П. А. Осиповой, а на самого Языкова вся обстановка дере-
венской жизни въ гостепріимно принявшемъ его семействѣ
его университетскаго товарища и особенно близость П-на
произвели чарующее впечатлѣніе и оставили по себѣ слѣдъ
въ его воспоминаніяхъ какъ одинъ изъ счастливѣйшихъ
эпизодовъ его жизни²⁾. Вотъ какъ писалъ, по возвращеніи
въ Дерптъ, П-ну 19 августа 1826 года:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ дѣвицы пригожей,
Святѣ всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальныя края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я —
Два сына Руси православной —

1) Садовниковъ, Д. Н. Отзывы современниковъ о Пушкинѣ.
Историч. Вѣстн. 1883, № 12, стр. 524.

2) Анненковъ. Пушкинъ въ Алекс. эпоху, стр. 318—319.

Постановили своенравно
 Нашъ поэтической союзъ . . . и т. д. ¹⁾

Поэтическимъ изображеніемъ посѣщенія Языковымъ П-на въ Михайловскомъ является посланіе Языкова къ любилицѣ П-на нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, о которой поэтъ зимой 1824 года писалъ Д. М. Княжевичу, описывая свое пребываніе въ Михайловскомъ: „цѣлый день верхомъ; вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны . . . Она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно“ (VII. 96).

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя? — писалъ Языковъ —

Въ тѣ дни, какъ, сельскую свободу возлюбя,
 Я покидалъ для ней и славу, и науки,
 И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки,
 Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
 Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
 Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
 Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
 Всегда привѣтами сердечной доброты
 Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
 Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
 Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
 И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
 Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой
 Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
 Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство! . . .

Ты занимала насъ — добра и весела —
 Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разговоромъ:
 Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
 Мы вѣрили тебѣ, и смѣхъ не прерывалъ

1) Семейскій. Н. М. Языковъ. 1803—1846. Русскій Архивъ 1867, ст. 722.

Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ ;
 Свободно говорилъ языкъ словоохотный,
 И легкіе часы летѣли беззаботно !¹⁾

Но самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ плодомъ пребыванія Языкова въ Тригорскомъ является его извѣстное стихотвореніе „Тригорское“, посвященное П. А. Осиповой (1826). Описаніе дней, проведенныхъ тамъ поэтомъ, искусно переплетается тутъ съ выраженіями чувствъ и мыслей, наполнявшихъ его посреди общенія съ людьми, которыхъ онъ любилъ и уважалъ.

Вотъ картина купанья въ Тригорскомъ :

Туда, туда, друзья мои !
 На скать горы, на брегъ зеленой,
 Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
 Гостепріимныя струи,
 Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
 Дугою выдалась она
 По глади вогнутаго дна,
 Пескомъ усыпанной серебристымъ.
 Одежду прочь ! передъ челомъ
 Протянемъ руки удалыя
 И бухъ ! — блистательнымъ дождемъ
 Взлетаютъ брызги водяныя.
 Какая сильная волна !
 Какая свѣжесть и прохлада :
 Какъ сладострастна, какъ нѣжна
 Меня обнявшая Наяда !
 Дышу вольнѣе, свѣтель взоръ,
 Въ холодной нѣгѣ оживаю,
 И бодръ и весель выбѣгаю
 Травы на бархатный коверъ.

А вотъ описаніе бесѣды съ Пушкинымъ :

¹⁾ Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I. Спб. 1858, стр. 89.

Что восхитительнѣе, краше
 Свободныхъ дружескихъ бесѣдъ,
 Когда за пѣнистою чашей
 Съ поэтомъ говорить поэтъ!
 Жрецы высокаго искусства,
 Пророки воли божества!
 Какъ независимы ихъ чувства,
 Какъ полновѣсны ихъ слова!
 Какъ быстро мыслью вдохновенной,
 Мечты на радужныхъ крылахъ,
 Они летаютъ по вселенной
 Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
 Была счастливая пора,
 Когда такъ веселы, такъ милы
 Неслися наши вечера
 Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
 Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
 На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
 Въ виду окрестностей живыхъ! . . .

Въ концѣ стихотворенія поэтъ говоритъ :

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
 Твои холмы, твои поля,
 О православная земля
 Священныхъ памятниковъ Пскова?
 Твои родныя красоты
 Во имя музъ благословляю
 И вѣрнымъ счастьемъ называю
 Все, чѣмъ меня ласкала ты! ¹⁾

Языковъ и позднѣе вспоминалъ о счастливыхъ

1) Стихотворенія Н. М. Языкова. Ч. I, стр. 76—80.

дняхъ своего пребыванія въ Тригорскомъ въ посланіяхъ къ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфъу¹⁾.

Пушкинъ также надолго сохранилъ воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 1826 года и, попавши 10 лѣтъ спустя въ Михайловское, писалъ оттуда Языкову 14 апрѣля 1836 года: „Отгадайте, откуда пишу вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные жили вы, гдѣ ровно десять лѣтъ пировали и мы втроемъ — вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи и бокалы съ Эммой, гдѣ теперь воспоминаемъ мы васъ и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти. . . поклонъ вамъ отъ всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью! Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловласъ — по прежнему милый, но уже шагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое въ Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія. . . , но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи, что и вы откликнитесь“ (VII. 396—397).

Кромѣ Языкова, посѣтили Пушкина въ Михайловскомъ еще трое его товарищей по Лицею. О нихъ упоминаетъ онъ въ стих. „19 октября 1825“:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. (I. 358)

Эти трое были — Пущинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

И. И. Пущинъ посѣтилъ П-на 11 января 1825 года и былъ у него всего одинъ день, но въ этотъ день они пере-

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 100—101, 105—106. Русскій Архивъ 1867, ст. 733—734, 739—740.

говорили о многомъ. Пущинъ, между прочимъ, читалъ Пушкину комедію Грибоѣдова „Горе отъ ума“, какъ тогдашнюю литературную новинку, извѣстную пока въ рукописи; по поводу этого чтенія Пушкинъ написалъ А. А. Бестужеву (25 янв. 1825 года) извѣстное письмо, въ которомъ высказалъ весьма мѣткія замѣчанія о знаменитой комедіи (VII. 107—108). Самъ Пущинъ описалъ свое пребываніе у Пушкина въ Запискахъ¹⁾. Художественнымъ памятникомъ этого посѣщенія является извѣстная картина Н. Н. Ге „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“, хотя одна изъ живыхъ свидѣтельница той эпохи и оспариваетъ вѣрность изображенной въ ней внѣшней обстановки житія Пушкина дѣйствительности²⁾. Пущинъ, какъ извѣстно, сдѣлался жертвою мятежа 14 дек. 1825 года и сосланъ былъ въ Читу. Вѣрный старой товарищеской связи, огорченный Пушкинъ послалъ ему съ А. Г. Муравьевой, ѣхавшей къ своему ссыльному мужу въ Читу, слѣдующее посланіе, въ которомъ вспоминаетъ о посѣщеніи Пуцинымъ Михайловскаго:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
 И я судьбу благословилъ,
 Когда мой дворъ уединенный,
 Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
 Твой колокольчикъ огласилъ.
 Молю святое провидѣнье,
 Да голосъ мой душѣ твоей
 Даруетъ то же утѣшенье!
 Да озаритъ онъ заточенье
 Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней! (II. 7)

Барона А. А. Дельвига Пушкинъ ждалъ въ своемъ уединеніи съ большимъ нетерпѣніемъ, говоря объ этомъ

1) Напечатаны въ Атенееѣ 1859 № 8, а дополненія къ нимъ въ ст. М. И. Семевскаго: „Къ біографіи Пушкина“. Русск. В. 1869, ноябрь, стр. 73—81, 100—102.

2) Острогорскій, назв. соч., стр. 227.

въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому и брату Льву (VII. 109. 112. 119. 122); послѣднему онъ однажды писалъ: „мочи нѣтъ, хочется Дельвига“ (VII. 113). И вотъ въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ пріѣхалъ. Пушкинъ тотчасъ ввелъ этого своего любимѣйшаго товарища по Лицею въ кругъ своихъ знакомыхъ въ Тригорскомъ и былъ очень недоволенъ, что тотъ оставался совершенно равнодушнымъ къ проявленіямъ любезности, которыми старались окружить его молодые обитательницы Тригорскаго: всему этому предпочиталъ онъ лежать на диванѣ, декламировать стихи и бесѣдовать о литературѣ. Плодомъ его отвѣтной любезности къ обитательницамъ Тригорскаго явилось лишь одно стихотвореніе, вписанное въ альбомъ П. А. Осиповой и воспѣвающее вино и дружбу¹⁾. Памятникомъ короткаго дружескаго расположенія Пушкина къ Дельвигу является, между прочимъ, шутливое стихотвореніе 1827 года „Черепъ“, въ которое Пушкинъ ввелъ жизнь бароновъ, Ригу, нѣмецкаго студента, А. Н. Вульфа, т. е. ту сферу представленій, которая нѣкоторое время была близка Пушкину по его товарищескимъ отношеніямъ къ дерптскимъ студентамъ Языкову и Вульфу.

Совершенно неожиданнымъ былъ пріѣздъ въ Михайловское князя А. М. Горчакова въ сентябрѣ 1825 года. Но особенной радости это посѣщеніе не доставило поэту: Пушкинъ находилъ Горчакова слишкомъ сухимъ; къ тому же Горчаковъ, повидимому, не сумѣлъ почувствовать тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя испытывалъ поэтъ-изгнанникъ, и отнесся къ Пушкину безъ надлежащаго сочувствія, котораго ждала его душа отъ товарища: „Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей — писалъ по этому поводу Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому — кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и, слѣдственно, подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненьемъ. Охъ,

1) Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Р. В. 1869, ноябрь, стр. 69.

душа моя — меня тошнить . . . Но предлагаемое да ѣдят“. Впрочемъ, Пушкинъ читаль Горчакову нѣсколько сценъ изъ „Бориса Годунова“, которымъ онъ въ это время былъ занятъ (VII. 154. 156).

Сношенія съ другими лицами, которыя поддерживалъ Пушкинъ изъ мѣста своего изгнанія, происходили письменно. Это обстоятельство естественнымъ образомъ отразилось на количествѣ и объемѣ писанныхъ П-нымъ писемъ изъ Михайловскаго: именно, на время пребывания здѣсь П-на въ продолженіе двухъ лѣтъ приходится почти четвертая часть всей переписки со стороны П-на, между тѣмъ какъ три четверти этой переписки, поскольку она до сихъ поръ извѣстна, падаютъ на остальные 18 лѣтъ. Письма Пушкина обращены главнымъ образомъ къ брату Льву Сергѣевичу, которому поэтъ давалъ въ Петербургѣ разныя порученія, начиная со своихъ сочиненій и кончая мелкими покупками, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. А. Бестужеву, П. А. Катенину, отчасти Н. А. Полевому и К. Ѡ. Рылеву — съ содержаніемъ преимущественно литературнымъ, извѣщеніемъ о своихъ поэтическихъ трудахъ, сужденіями о новыхъ явленіяхъ текущей литературы, порученіями и просьбами касательно изданія собственныхъ сочиненій. Письма къ В. А. Жуковскому почти всѣ имѣютъ характеръ просьбъ о ходатайствѣ объ избавленіи П-на изъ заточенія или вообще объ облегченіи его участи въ этомъ смыслѣ; есть дружескія письма къ бар. А. А. Дельвигу, В. К. Кюхельбекеру, Н. Н. Раевскому, П. А. Осиповой (кромѣ упомянутыхъ выше къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову), шутливо-любовныя къ А. П. Кернъ и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Разумѣется, въ дѣйствительности переписка Пушкина этими лицами не ограничивалась; не говоря уже о томъ, что, безъ сомнѣнія, не всѣ письма П-на за это время сдѣлались достояніемъ печати, можно съ увѣренностью полагать, что по тогдашнему опальному положенію П-на корреспонденція котораго подверга-

лась бдительному надзору въ Псковѣ, не всѣ его письма доставлялись по назначенію, и не всѣ письма, адресованныя ему, попадали въ его руки; въ одномъ письмѣ къ брату поэтъ замѣчаетъ: „Дельвига письма до меня не доходятъ“ (VII. 141).

Несмотря на веселые дни, проведенные Пушкинымъ съ пріѣзжими гостями, несмотря на близость Тригорскаго и радужіе его обитательницъ, надобно сказать, что все-таки въ общемъ жизнь Пушкина въ Михайловскомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ была весьма уединенной и однообразной. „Знаешь ли мои занятія? — писалъ онъ въ октябрѣ 1824 года брату. — До обѣда пишу Записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ (VII. 87—88). Зимой того же года писалъ онъ Д. М. Князевичу: „Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои; но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна“ (VII. 96). Въ февралѣ 1825 года кн. П. А. Вяземскому П. писалъ: „Покаместъ я одинъ одишечекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни“ (VII. 109).

Что Пушкину было въ Михайловскомъ „душно“, какъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому лѣтомъ 1825 года (VII. 130), это можно бы заключить уже изъ тѣхъ рискованныхъ для него приготовленій, которыя дѣлалъ онъ къ своему побѣгу за границу. Но на это указываютъ и многочисленныя жалобы его въ дружескихъ письмахъ, (VII. 133. 140. 164. 167—173. 174 и др.), примѣсь къ которымъ веселой шутки и ироніи нисколько не ослабляетъ тяжелаго впечатлѣнія отъ внутренняго содержанія этихъ жалобъ.

Невольное уединеніе и досугъ Пушкина въ Михайловскомъ давалъ ему возможность много и серьезно читать. „Книгъ, ради Бога книгъ!“ просить онъ брата въ октябрѣ 1824 года (VII. 86), и затѣмъ эти просьбы о присылкѣ ему книгъ повторяются много разъ въ письмахъ къ Льву Сергѣевичу, причемъ дважды напоминаетъ онъ о присылкѣ ему французской Библии (VII. 90. 92. 97. 98. 99. 110. 113. 124). „Мнѣ нуженъ англійскій языкъ — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ!“ (VII. 159), а въ другомъ письмѣ, къ А. А. Бестужеву, къ этому прибавляетъ: „ты да, кажется, Вяземскій одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить!“ (VII. 166).

Однимъ изъ счастливыхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ невольнымъ пребываніемъ Пушкина въ Михайловскомъ, было то, что онъ спасся отъ гибельныхъ послѣдствій тѣхъ смутныхъ событій, которыя произошли въ Петербургѣ 14 декабря 1825 года, сопровождая собою воцареніе императора Николая I. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будь Пушкинъ въ это время въ Петербургѣ, онъ раздѣлилъ бы участь многихъ изъ своихъ друзей, бывшихъ усердными и дѣятельными участниками заговора (VII. 173; II. 2). Неясныя и отрывочныя извѣстія объ участи заговорщиковъ, доходившія до Пушкина, волновали его чрезвычайно¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣна царствованія окрылила надежды Пушкина на полученіе свободы, и онъ началъ новыя хлопоты. Желая „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ,“ какъ онъ писалъ бар. А. А. Дельвигу 6 января 1826 года (VII. 174), П. въ маѣ того же года подалъ черезъ Псковскаго гражданскаго губернатора барона Адеркаса прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ „съ истиннымъ

1) Стоюнинъ. Пушкинъ, стр. 278—279.

раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку“ просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы (VII. 177—178). Молодой государь взглянулъ благосклонно на просьбу Пушкина и 28 авг. 1826 года подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ представленъ Государю въ Чудовомъ дворцѣ.

Такъ кончилось двухгодичное заточеніе П-на въ Михайловскомъ.

II.

Въ отношеніи поэтическаго творчества П-на два года, проведенные имъ въ Михайловскомъ, были весьма счастливы и принесли обильные плоды. Тутъ, въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи, на свободѣ зрѣли творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданій, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая зрѣлость гениальнаго дарованія Пушкина.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній этой эпохи, безспорно, стоитъ „Борись Годуновъ“. Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму П-на къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 года: „передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавія: Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ“ (VII. 137). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но осенью того же года П. писалъ тому же лицу: „Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: ай да Пушкинъ! . . . (VII. 160).

Въ черновыхъ бумагахъ П-на сохранилось нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ позднѣйшихъ годовъ, гдѣ П. касается своей пьесы, которую онъ попеременно называетъ то „комедіею“, то „трагедіею“, то „драмою“: „Комедія о царѣ Борисѣ и Гр. Отрепьевѣ“ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широко въ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны“ (Ш. 82—83). Указанія — точныя и совершенно опредѣленныя; произведенная позднѣйшей критикой провѣрка ихъ анализомъ самой драмы вполне подтвердила признанія Пушкина и показала вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился П. къ своимъ „источникамъ“, зависимость отъ которыхъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя изъ нихъ данныя онъ претворялъ и перерабатывалъ въ своемъ творческомъ сознаніи и представилъ въ концѣ концовъ трудъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно самостоятельный и обладающій высокими поэтическими достоинствами. Напр., даже зависимость отъ Карамзина, о которой говоритъ самъ П. и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и Бѣлинскій, въ смыслѣ почти простаго пересказа Пушкинымъ нѣкоторыхъ страницъ X и XI томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“, теперь, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается далеко не столь близкою и обнаруживающею, напротивъ, весьма самостоятельное отношеніе

П. къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполнялъ другими источниками, иногда шедшими даже въ противорѣчіе съ рассказомъ Карамзина ¹⁾). Это конечно свидѣтельствуеъ о самомъ серьезномъ отношеніи П-на къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, и въ который вложилъ онъ часть своей души: „Хоть я вообще — говоритъ П-нъ въ тѣхъ же своихъ отрывочныхъ замѣткахъ, еще до изданія въ свѣтъ драмы — довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтанъ, я могу сказать о моемъ сочиненіи: *c'est une oeuvre de bonne foi*. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ (III. 82). Въ своихъ опасеніяхъ относительно успѣха „Бориса Годунова“ П. оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія ²⁾, драма увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ нашла далеко не единодушное пониманіе, какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работа надъ „Борисомъ Годуновымъ“, въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ старинной русской народной жизни, содѣйствовала стремленіямъ П-на проникнуть въ окружающую его дѣйствительную народную жизнь. По словамъ Анненкова, „время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію на-

1) Ждановъ И. Н. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Спб. 1892, стр. 12 и сл.

2) Исторія эта рассказана по документамъ акад. М. И. Сухомлиновымъ въ ст. „Императоръ Николай Павловичъ — критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“: Изслѣдованія и статьи, II, стр. 218—235.

родной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова¹⁾. Плодомъ такихъ наблюденій явился именно тотъ сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству В. П. Кирѣевского, переданъ былъ ему Пушкинымъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевского произведеній народного творчества, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позднѣе, а также и тѣхъ „полународныхъ, полувыдуманныхъ произведеній“, какъ выражается Анненковъ, въ которыхъ мы находимъ „смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ“ (I. 372—376).

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ „Евгеній Онѣгинъ“. Какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній П-на, романъ этотъ писался имъ въ продолженіе десяти лѣтъ: начатъ въ 1822 году и оконченъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это произведеніе Пушкина, которое является, можно сказать, центромъ всего его поэтическаго творчества, четыре написаны въ Михайловскомъ: именно третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Лариныхъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, поединокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — какъ картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разныя времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія П-на надъ окружавшей его

1) Матеріалы, 2 изд., стр. 144.

помѣщичьей жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что же касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже давно извѣстно мнѣніе Анненкова о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ П-нымъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ¹⁾. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ опубликованномъ въ самое послѣднее время дневникѣ Алексѣя Н. Вульфа, гдѣ онъ говоритъ по поводу чтенія „Евгенія Онѣгина“: „онъ (романъ) не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ Онѣгинѣ, были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ въ Михайловскомъ пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ“²⁾. О нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, какъ оригиналтѣ няни Татьяны, упомянуто было свидѣтельство самого П-на выше. Отдѣльныя главы „Евгенія Онѣгина“ выходили въ печати постепенно съ 1825 по 1832 годъ, причемъ первая вышла въ 1825, а вторая въ 1826; въ неразрѣзанные листы этой послѣдней главы П. вложилъ и поднесъ въ Тригорскомъ А. П. Кернъ знаменитое свое поэтическое признаніе „Я помню чудное мгновеніе . . .“, составляющее одно изъ украшеній Пушкинской лирики за время его жизни въ Михайловскомъ.

Дописывая шестую главу „Онѣгина“ и уже волнуемый надеждой скоро выйти на свободу, поэтъ въ послѣднихъ

1) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279. Ср. Соч. П-на, III. 336. 405.

2) Майковъ, Л. Н. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Р. Стар. 1899, № 3, стр. 531.

строфахъ ея такъ прощается со своей молодостью и посылаетъ привѣтъ своему деревенскому уединенію, которое онъ готовъ былъ покинуть :

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
 Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
 Но, такъ и быть, простимся дружно,
 О юность легкая моя!

Благодарю за наслажденья,
 За грусть, за милыя мученья,
 За шумъ, за бури, за пиры,
 За всѣ, за всѣ твои дары;
 Благодарю тебя. Тобою
 Среди тревогъ и въ тишинѣ
 Я наслаждался . . . и вполнѣ.
 Довольно! Съ ясною душою
 Пускаюсь нынѣ въ новый путь
 Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
 Гдѣ дни мои текли въ глуши,
 Исполнены страстей и лѣни
 И сновъ задумчивой души.
 А ты, младое вдохновенье,
 Волнуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть,
 И наконецъ окаменѣть

(Ш. 357)

Изъ менѣе значительныхъ произведеній этого времени должны быть названы „Графъ Нулинъ“, „Женихъ“, нѣсколько экскурсовъ въ область иностранныхъ литературъ въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ

произведений въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ лирическія стихотворенія и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

„Графъ Нулинъ“ (1825) представляетъ собою живое, но краткое поэтическое описаніе одного эпизода изъ помѣщичьей жизни въ деревнѣ, причемъ въ лицо главнаго героя произведенія авторъ вложилъ нѣсколько сатирическихихъ чертъ, обличающихъ какъ легкомысліе семейныхъ нравовъ, такъ и тогдашнее рабское отношеніе ко всему французскому, начиная съ мыслей и кончая послѣдними подробностями моднаго костюма. О происхожденіи этого произведенія П. позднѣе (въ 1833 году) писалъ: „въ концѣ 1825 года находился въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бы его предприимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсилъ бы — и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась. Я не могъ воспротивиться двойному искушенію, и въ два утра написалъ эту повѣсть“ (V. 194). „Графъ Нулинъ“ увидѣлъ свѣтъ нѣсколько позднѣе, сначала въ отрывкахъ, затѣмъ въ цѣломъ видѣ въ 1827 и 1828 годахъ. Слѣдомъ личныхъ впечатлѣній поэта въ этомъ произведеніи являются стихи:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальный
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой? . . . (Ш. 88.)

Стихотвореніе „Женихъ“ (1825) есть поэтическій пересказъ простонародной сказки, быть можетъ, слышанной

Пушкинымъ отъ своей няни¹⁾; по складу своему оно напоминаетъ баллады изъ старинной русской жизни во вкусѣ Жуковского и среди произведеній П-на стоитъ довольно одиноко.

Мы знаемъ уже, что въ Михайловскомъ П. усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта и въ одномъ письмѣ къ кн. Вяземскому (въ сентябрѣ 1825) сожалѣлъ о невозможности основательно заняться въ деревнѣ англійскимъ языкомъ (VII. 159). Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и переводилъ его (1824—1825) (I. 321—322. 362) и въ память котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе „Андрей Шенье“ (1825), благодаря которому онъ нѣсколько позднѣе (въ 1827 году) едва не поплатился серьезнымъ наказаніемъ и избѣгъ его только потому, что стихотвореніе написано было до всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года. Пытался перелagать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825) (I. 366—370) и написалъ весьма замѣчательную „Сцену изъ Фауста“ (1826), навѣянную мыслью о знаменитой поэмѣ великаго германскаго поэта, о которой въ 1827 г. П. выразился, что „Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа“, которое „служить представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служить памятникомъ классической древности“ (V. 50). Несмотря на такое поклоненіе Гёте, нашедшее себѣ выраженіе и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Пушкина (VI. 61; VII. 129. 202), нашъ поэтъ сумѣлъ взглянуть на поэму Гёте собственными глазами и, по выраженію одного критика²⁾, внести въ нее даже „поправку“ — съ точки зрѣнія взгляда на нравственный характеръ поступковъ доктора Фауста отно-

1) Анненковъ, Мат., стр. 113; Сумцовъ, Этюды объ А. С. Пушкинѣ, вып. V (Варшава 1897), стр. 2—16.

2) Нѣзеленовъ. Пушкинъ въ своей поэзіи, стр. 231.

сительно Маргариты: именно, Пушкинъ устами Мефистофеля раскрываетъ передъ Фаустомъ всю глубину его безпощаднаго эгоизма по отношенію къ Маргаритѣ и тѣмъ вызываетъ въ немъ тяжелые упреки и мученія совѣсти:

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грезы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она
 Что жъ грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистной? . . .
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ отвращеніемъ:
 Такъ безрасчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытась ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо . . .
 Потомъ изъ этого всего
 Одно ты вывелъ заключенье. . . .

Фаустъ.

Сокройся, адское творенье!
 Бѣги отъ взора моего! (III. 105—106).

Анненковъ¹⁾ передаетъ извѣстіе, въ видѣ предположенія, что „Гёте зналъ объ этой сценѣ. Рассказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго

1) Мат., стр. 177.

путешественника и препроводилъ съ нимъ въ подарокъ собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ подпись: подарокъ Гёте“.

Попытками углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина съ одной стороны подражаніе „Пѣсни пѣсней“ (I. 345), съ другой — первый набросокъ стихотворенія „Клеопатра“ (1825), который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повѣсть изъ древне-римской жизни, а потомъ въ повѣсть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта; результатомъ этого явились отрывки повѣсти „Египетскія ночи“, надъ которой П. работалъ десять лѣтъ спустя (1835) и которую все-таки оставилъ неоконченной (IV. 387—405). П. именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта, для болѣе яркаго изображенія современной ему русской жизни, и хотя по неоконченности произведенія послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе „Клеопатра“ (IV. 396—398) представляетъ собою, по общему признанію, нѣчто въ высшей степени совершенное по глубокому вдохновенію, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть доступна лишь вполнѣ возмужавшему поэтическому генію.

До извѣстной степени близко подходятъ къ этому идеалу поэтическаго проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній П-на, объединенныхъ общимъ именемъ „Подражаніе Корану“ (1824) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой (I. 322—328): съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Магомета со всей ея наивной глубиной и риторическимъ пафосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ П-нымъ въ Михайловскомъ, то кромѣ тѣхъ, о ко-

торыхъ было уже упомянуто, здѣсь можно указать еще на отголоски завязавшихся на югѣ нѣжныхъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ П. говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиной искренняго чувства дышатъ стихотворенія „Сожженное письмо“ и „Желаніе славы“ (оба — 1825), въ которыхъ П. отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ, съ которой силою обстоятельствъ ему пришлось разстаться (I. 344). Къ этой же категоріи должна быть отнесена не по лицу, къ которому обращена, но по характеру внушившаго ее чувства, элегія „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ (1826), написанная на смерть г-жи Ризничъ, волновавшей воображеніе поэта и до этого и даже послѣ своей смерти¹⁾. Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому поэтическому стилю и нѣжности колорита безспорно принадлежитъ къ числу перловъ Пушкинской лирики. Нѣсколько инымъ, менѣе возвышеннымъ и чистымъ характеромъ отличалось увлеченіе П-на одною изъ прѣзжихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшей также изъ подъ пера П-на превосходное стихотвореніе „Я помню чудное мгновенье“, о которомъ было уже упомянуто выше.

Въ стихотвореніяхъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824) и „Пророкъ“ (1826) П. раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія и если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы сдается на доводы практицизма, то во второмъ, далекій отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ передъ нами въ величавой роли вдохновеннаго проповѣдника и глашатая воли самого Бога:

Возстань, пророкъ, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей

1) Незеленовъ, стр. 146—151.

И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей! (П. 3)

Наконецъ, въ прозѣ, за время пребыванія своего въ Михайловскомъ, П. не представилъ ничего замѣчательнаго: это или краткія журнальныя статьи (для „Московского Телеграфа“ 1825 года), или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи, не имѣющіе особаго интереса (V. 22—42). Ясно, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позднѣе, и, идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соотвѣтствующей той ступени своего поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, факты и обстановка личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина во время его невольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Если мы примемъ во вниманіе, какая участь почти навѣрное ожидала бы пылкаго поэта при заговорѣ 14 декабря 1825 года, будь онъ въ какомъ-нибудь людномъ центрѣ въ это тревожное время, то мы можемъ благословить судьбу, сохранившую намъ тѣмъ самымъ П-на отъ вѣроятной и преждевременной гибели. Оставаясь въ Михайловскомъ, П. не терялъ времени напрасно, воспитывая въ типѣ свой творческій геній путемъ вдумчивости, самообразования и дѣятельнаго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной поэтической цѣнности, лежала еще печать неувѣренности и очевиднаго вліянія Байрона, онъ оставляетъ его творцомъ „Бориса Годунова“, лучшей части „Евгенія Онѣгина“ и „Пророка“. Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже

вполнѣ серьезный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ и заключается именно та историческая важность, которая придается и должна придаваться въ жизни и дѣятельности П-на изображенной нами порѣ его пребыванія въ „уголкѣ земли“, гдѣ по его собственному позднѣйшему признанію онъ провелъ „отшельникомъ два года незамѣтныхъ.“

Маска и письмо А. С. Пушкина,

хранящіяся въ Библіотекѣ
Императорскаго Юрьевскаго университета.

Предисловіе.

Въ свѣтлые и знаменательные дни Пушкинскихъ празднествъ Библіотека Императорскаго Юрьевскаго Университета не могла остаться безугастанною къ тому торжеству, какое справляетъ нынѣ повсемѣстно русское общество. Съ Пушкинымъ у каждаго изъ насъ связано столько дорогихъ воспоминаній, каждый изъ насъ столь многимъ обязанъ ему, что становится вполне понятнымъ всеобщее желаніе посылить свою благодарность и дань уваженія гениальному поэту. Библіотека — хранилище книгъ, а книга была до конца жизни неразлучною спутницею и подругою Пушкина. Кто обогатилъ литературу народа своими гудными произведеніями и, помимо внутренняго ея развитія, обусловилъ также и внѣшнее ея наращеніе, тотъ, конечно, имѣетъ полное право на благодарную память со стороны не однихъ только читателей книги, но одинаково и тѣхъ, кто ее хранитъ и бережетъ.

Настоящая работа есть посылная дань великому поэту отъ Библіотеки Императорскаго Юрьевскаго Универ-

система, какъ учрежденія; и если литературная обработка ея принадлежитъ одному нижеподписавшемуся, то въ подготовительномъ трудѣ приняты участіе и другіе члены библиотечной администраціи. Кромѣ того разъясненіемъ нѣкоторыхъ сомнѣній обязанъ я Вл. Вл. Майкову; съ признательностью должно быть упомянуто имя Г. Г. Змигродскаго, стараніямъ и хлопотамъ котораго, помимо всего, мы обязаны тѣми прекрасными фотографіями съ маски и съ письма Пушкина, работы здѣшняго фотографа г. Захкера (R. Sachker), которыя приложены къ настоящему изданію въ цинкографической передачѣ Петербургской фирмы Вильборга. Наконецъ, существенную точку опоры въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ полугнулъ я, благодаря тѣмъ свидѣніямъ, которыми любезно подѣлились со мною г-жи М. М. и Е. М. Розбергъ, дочери покойнаго профессора нашего Университета, М. П. Розберга.

Директоръ Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго
Университета

26 мая 1899 г.

Профессоръ Е. Шмурло.

I.

М а с к а.

Вопросъ о посмертныхъ маскахъ А. С. Пушкина остается до сихъ поръ, и не безъ основанія, далеко невыясненнымъ и спорнымъ. Въ основѣ всего лежитъ письмо В. А. Жуковскаго къ отцу поэта, С. Л. Пушкину, извѣстное его описаніе „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, именно тѣ строки, гдѣ онъ говоритъ, что во-время вспомнилъ о необходимости снять маску и что это было немедленно исполнено, прежде чѣмъ черты лица успѣли измѣниться¹⁾. Однако когда именно и кѣмъ была снята эта маска, въ чьи руки попала она потомъ — свѣдѣній объ этомъ ни у Жуковскаго, ни у кого другого не сохранилось, по крайней мѣрѣ мы ничего объ этомъ не знаемъ.

Гдѣ бы она ни была, но, повидимому, появившіяся вслѣдъ затѣмъ въ обращеніи изображенія Пушкина свой прототипъ и образецъ отыскивали именно въ этой маскѣ. Такъ мы знаемъ, что вскорѣ по смерти поэта нѣкій Палацци выпустилъ въ продажу гипсовые снимки, своей работы, съ посмертной маски, придѣлавъ къ нимъ волоса до половины головы, и другіе поменьше, оправленные въ рамку²⁾. „Какъ тѣ, такъ и другіе

1) Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е. Спб. 1885, т. VI, стр. 19.

2) „Изображенія скульптурныя: 1) Маска А. С. Пушкина. Палацци придѣлалъ къ ней и волоса до половины головы (цѣна 15 руб.); въ меньшей толщинѣ у него же на голубомъ фондѣ; она оправлена въ рамку“. (Художеств. Газета 1837, № 9—10). Г. Либровичъ, говоря о работахъ Палацци со словъ „Русскаго Художеств. Листка“ Тимма 1861, № 32, передаетъ извѣстіе „Художеств. Газеты“ нѣсколько иначе: „Вскорѣ послѣ смерти Пушкина пущены были въ продажу гипсовые снимки съ посмертной маски поэта, съ придѣланными къ нимъ волосами до половины го-

снимки съ маски составляютъ теперь большую рѣдкость и, насколько извѣстно, не имѣются уже ни въ одной изъ извѣстныхъ пушкинскихъ коллекцій. Куда они исчезли — неизвѣстно¹⁾.

Одновременно съ Паладци, съ маски Пушкина Элеонорою Жуковскою былъ сдѣланъ рисунокъ, впервые воспроизведенный, кажется, въ 1837 г., литографически²⁾; затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“ 1843 г., изд. Кони³⁾. Послѣ значительнаго перерыва онъ сталъ снова появляться въ нашихъ изданіяхъ лишь съ 1887 года: при сочиненіяхъ Пушкина, изд. г. Суворинымъ, при біографіи поэта, написанной г. Скабичевскимъ (въ изданіи г. Павленкова), въ юбилейномъ № (4-мъ) иллюстрированнаго журнала „Звѣзда“ за 1887 г., при статьѣ г. Русакова, „Исторія портретовъ Пушкина“⁴⁾, въ книгѣ г. Либровича, „Пушкинъ въ портретахъ“⁵⁾, въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ и, наконецъ, въ „Пушкинскомъ альбомѣ“, изданномъ „Нивою“⁶⁾. Нѣкоторыя изданія придали, въ своихъ подписяхъ и обозначеніяхъ, рисунку Жуковской неудачное и неправильное названіе „отдѣльнаго портрета“⁷⁾; другія называли его гораздо вѣрнѣе „маскою“⁸⁾; обозначеніе

ловы, работы Паладци, которые продавались по 15 руб., и подобныя же маски-копіи, тоже гипсовыя, въ рамкѣ подъ стекломъ, на голубомъ фонѣ“ (Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 88. Ср. то же у В. Русакова, Исторія портретовъ Пушкина. Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152. Впрочемъ книга Либровича и статья Русакова — произведенія одного и того же лица. Ср. Пушкинъ въ портретахъ, стр. 9, примѣч. Въ болѣе позднемъ изданіи самыя ничтожныя отмѣны отъ перваго).

1) Русаковъ, 153. Либровичъ, 88.

2) „Литографированный снимокъ съ маски Пушкина, рисованной Э. Жуковскою (1837 ?)“. Межовъ, Puschkiniana, стр. 240.

3) Отдѣльное приложеніе. Сравн. каталогъ открытой въ Петербургѣ, по поводу столѣтняго юбилея поэта, Пушкинской выставки, № 204.

4) Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 152.

5) Пушкинъ въ портретахъ, стр. 87.

6) Спб. 1899, стр. 26.

7) „Отдѣльный портретъ (одно лицо)“; „портретъ, рисованный съ маски“. Русаковъ, 152; Либровичъ, 88. То же и въ изданіи Суворина.

8) Въ „Звѣздѣ“ и „Историч. Вѣстникѣ“. Сравн. выше примѣчаніе 2. слова Межова въ Puschkiniana.

„Нивы“ представляет новый вариантъ, по которому выходитъ, что Жуковская готовила самую маску¹⁾. Источникъ подобныхъ неточностей и отличій, вѣроятно же всего, нѣкоторая небрежность и невниманіе; но возникнуть то и другое могло лишь на почвѣ той неизвѣстности, въ какой мы находимся и до сихъ поръ относительно первоначальнаго происхожденія маски Пушкина и первыхъ съ нея снимковъ.

Достаточно бѣглаго взгляда на любой изъ приложенныхъ къ этимъ изданіямъ рисунковъ, чтобъ убѣдиться, насколько мало соотвѣтствуютъ они понятію портрета: это не болѣе какъ маска, съ закрытыми глазами, изображеніе лица en face, при чемъ края щекъ и подбородка рѣзко оборваны и отграничены, что какъ разъ и уместно въ „маскѣ“, но отнюдь не въ „портретѣ“. Характерно, что, какъ Паладци придѣлалъ къ гипсовымъ снимкамъ „волоса до половины головы“, такъ и въ рисункѣ Жуковской мы встрѣчаемся съ волосами же. Искусственность расположенія этихъ волосъ, извѣстнаго рода симметричность особенно бросаются въ глаза. Мало того. Эти волосы точно каменные; ихъ завитки слишкомъ грубы для того, чтобъ допустить здѣсь участіе карандаша или кисти, и потому невольно является мысль: не рисовала ли ихъ Жуковская, имѣя передъ собою снимокъ Паладци?

Во всякомъ случаѣ едва ли возможно сомнѣваться, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ очень отдаленнымъ напоминаніемъ дорогихъ намъ чертъ, и во всякомъ случаѣ съ изображеніемъ, искаженнымъ позднѣйшими и совершенно ненужными наслоеніями.

Гдѣ же однако хранилась самая маска?

Въ 1880 г., въ дни празднествъ, состоявшихся по поводу открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, въ Петербургѣ была устроена выставка, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, была представлена маска поэта, снятая, какъ гласилъ

1) „Портретъ Пушкина, рисованный съ маски Э. Жуковской“. Каталогъ нынѣшней Петербургской выставки (№ 204) выражается такъ: „Рисунокъ съ маски, сдѣланный Элеонорой Жуковской“.

каталогъ, на другой день послѣ его смерти¹⁾. Съ этой маски, составляющей собственность Т. Б. Сѣмечкиной, тогда же, по порученію петербургскаго книгоиздателя Вольфа, „снять былъ молодымъ художникомъ, воспитанникомъ Академіи Художествъ, А. В. Малиновскимъ, точный рисунокъ карандашомъ, какъ одинъ изъ матеріаловъ для предполагавшагося Вольфомъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Пушкина“. Копія съ этого рисунка, работы Н. И. Каменева, воспроизведенная цинкографіею, появилась спустя нѣсколько лѣтъ въ другомъ изданіи Вольфа, — въ журналѣ „Задушевное Слово“ 1887 г., № 13; отсюда перепечатана въ его же „Нови“, въ упоминавшейся уже статьѣ г. Русакова²⁾, въ книгѣ г. Либровича³⁾ и, наконецъ, въ изданномъ журналомъ „Нивою“ „Пушкинскомъ альбомѣ“⁴⁾.

Эти послѣднія воспроизведенія существенно отличаются отъ прежнихъ, связанныхъ съ именемъ Э. Жуковской. Прежде всего это именно маска, съ открытымъ лбомъ, съ оголенною переднею частью черепа, безъ малѣйшаго присутствія головныхъ волосъ и лишь со слабыми отпечатками бакенбардъ по бокамъ. Я не специалистъ въ техническихъ вопросахъ этого рода и не рѣшаюсь проводить далѣе параллели; но полагаю, что и любой глазъ въ маскѣ г-жи Сѣмечкиной замѣтитъ, насколько ближе она къ изображенію мертваго лица.

Маска г-жи Сѣмечкиной едва ли не впервые давала возможность болѣе или менѣе значительному кругу лицъ всмотрѣться и изучать черты поэта тотчасъ послѣ его кончины;

1) „Маска Пушкина, снятая на другой день послѣ его смерти. Въ витринѣ чернаго дерева“ (Каталогъ Пушкинской выставки. Спб. 1880, стр. 33). Въ одной изъ позднѣйшихъ замѣтокъ читаемъ такой вариантъ: „На Пушкинской выставкѣ въ Петербургѣ была выставлена маска великаго поэта, снятая, какъ значилось и въ каталогѣ, и въ запискѣ, приклеенной къ стеклу, на другой день послѣ смерти Пушкина“ (С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 іюля, № 6975).

2) Новь 1888, т. XX, № 5, стр. 151.

3) Пушкинъ въ портретахъ. Спб. 1890, стр. 86.

4) Спб. 1899, стр. 26.

но съ другой стороны замѣтка, какую сопровождалось ея появленіе въ публикѣ, неизбежно должна была вызвать сомнѣнія и запросы. Дѣло въ томъ, что заявленіе „Каталога Пушкинской выставки“ о снятіи маски на другой день послѣ смерти Пушкина плохо согласовалось съ словами Жуковского, который, какъ мы уже знаемъ, писалъ, что маску сняли немедленно. Г. Либровичъ подмѣтилъ это противорѣчіе и старался примирить его, но едва ли удовлетворительно.

„Смерть такъ неожиданно постигла Пушкина и произвела до такой степени сильное впечатлѣніе на окружавшихъ поэта родныхъ, друзей и почитателей, что въ первую минуту никто даже и не подумалъ о наилучшемъ сохраненіи чертъ его лица — о снятіи съ него гипсовой маски. О маскѣ вспомнили лишь на слѣдующій день послѣ смерти поэта, и она была снята уже тогда, когда лицо Пушкина совсѣмъ окостенѣло и значительно измѣнилось. Маска сохранила, поэтому, лишь немного сходства. Можетъ быть, впрочемъ, что была снята другая еще маска, сейчасъ же послѣ смерти Пушкина“¹⁾. Болѣе внимательное чтеніе письма Жуковского, думается, предохранило бы отъ такой искусственной гипотезы.

Дѣйствительно, если маска была снята „немедленно“ и дала удовлетворительные результаты, то какая надобность являлась снимать вторично, особенно если лицо „совсѣмъ окостенѣло“, если оно успѣло „значительно измѣниться“? Конечно, и первый снимокъ могъ быть неудаченъ; но тѣмъ труднѣе было ожидать удачи второго, когда съ каждымъ часомъ лицо теряло свое первоначальное выраженіе. Будетъ гораздо правдоподобнѣе допустить, что маску снимали лишь одинъ разъ, и притомъ въ самый день смерти, или самое позднее въ ближайшую ночь. А если и признать справедливость „другого дня“, то все же безъ вторичнаго накладыванія гипса, подъ условіемъ, что тѣло еще не успѣло измѣ-

1) Русаковъ, Исторія портретовъ Пушкина. Новъ 1888, т. XX, № 5, стр. 150—151. — Либровичъ, Пушкинъ въ портретахъ, 85.

ниться и во всякомъ случаѣ до истеченія первыхъ сутокъ съ минуты кончины. Въ пользу такого ограниченія говорить совокупность также и другихъ обстоятельствъ.

Пушкинъ скончался 29 января въ три четверти третьяго пополудни¹⁾. „Мы долго стояли надъ нимъ“ — говоритъ Жуковский — „молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таинства смерти, которое свершалось передъ нами во всей умирительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ и долго, одинъ, смотрѣлъ ему въ лицо Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а глубокой и величественный сонъ. Спустя три четверти часа послѣ кончины (во все это время я не отходилъ отъ мертваго, мнѣ хотѣлось взглянуть въ прекрасное лицо его) тѣло вынесли въ ближнюю горницу, а я, исполняя повелѣнїе государя императора, запечаталъ кабинетъ своею печатью Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Вѣльгорскимъ обѣдать Вечеру, увлеченный необходимостію, пошелъ я къ государю, чтобы донести ему о томъ, какъ умеръ Пушкинъ На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, вечеру²⁾, перенесли его въ Конюшенную церковь. И въ эти оба дня та горница, гдѣ онъ лежалъ въ гробѣ, была безпрестанно полна народомъ“³⁾.

Вотъ послѣдовательность событій, какъ она передана Жуковскимъ. Первые три четверти часа, послѣ которыхъ тѣло вынесли въ сосѣдную комнату, понадобились, очевидно,

1) Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 18, примѣчаніе.

2) Т. е. 31 января.

3) Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 18—19.

для обмыванія покойнаго и первыхъ приготовленій, — было уже половина четвертаго. Послѣ этого Жуковскій запечатываетъ кабинетъ своею печатью, остается еще нѣсколько времени въ домѣ и только тогда уже ѣдетъ къ Віельгорскимъ. Не въ этотъ ли первый часъ - полтора и снята была маска? Времени на это хватило бы.

Быть можетъ, Жуковскій заранѣе, еще до смерти, озаботился обо всемъ необходимомъ? Такая предусмотрительность еще не означала бы непременно черстваго неумѣстнаго движенія сердца, — скорѣе даже наоборотъ, въ ней можно было бы видѣть заботливое желаніе сохранить для себя и для потомства драгоценныя черты: сомнѣваться же въ печальномъ исходѣ — увы! — не приходилось: доктора не подавали никакой надежды¹⁾; не даромъ же тотъ же Жуковскій, получивъ приказъ государя запечатать кабинетъ въ случаѣ смерти, держалъ себя наготовѣ и запасся печатью.

Съ другой стороны нѣтъ особой надобности настаивать непременно на предварительныхъ распоряженіяхъ. Слова Жуковскаго, весь тонъ ихъ даютъ скорѣе право думать, что мысль о маскѣ явилась уже по смерти Пушкина: „Къ счастію, я вспомнилъ вó-время“ — говоритъ онъ, т. е. спохватился, не упустилъ минуты, которая могла быть упущена и уже безвозвратно. Пока же обмывали тѣло, не трудно было спосылать въ лавку за гипсомъ, распорядиться вызвать скульптора²⁾. Снимать и начали, обмывши тѣло и вынеся его въ другую комнату — это и было, вѣроятно, то „нѣсколько времени“, которое Жуковскій „еще“ побылъ въ домѣ.

Разумѣется, все это одни только предположенія; снимать могли и позже, когда Жуковскій обѣдалъ у Віельгорскихъ или сидѣлъ у государя, или даже послѣ визита его во дво-

1) Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову. Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, Апскаго, т. VII, стр. 440.

2) Изъ только-что появившейся замѣтки г. Липина можно думать, что маску снималъ итальянецъ Фратини, скульпторъ (Новое Время 1895, 18 мая, № 8340).

рець. Но, не говоря про естественность для Жуковского, какъ инициатора всей идеи, пожелать лично присутствовать при сниманіи (вся процедура требуетъ немного времени), а также и про то, что, отодвигая наложеніе гипса съ каждымъ часомъ все далѣе и далѣе, мы все болѣе и болѣе будемъ впадать въ противорѣчіе съ категорическимъ заявленіемъ Жуковского о немедленномъ снятіи маски, — не говоря про все это, но даже при полномъ желаніи отодвинуть этотъ моментъ, намъ все равно очень скоро пришлось бы остановиться, дойдя до предѣла, далѣе котораго идти станетъ уже явною невозможностью.

По словамъ Жуковского, на другой день, 30 января, тѣло переложили въ гробъ, и едва ли есть надобность настаивать на томъ, что это переложеніе и есть тотъ предѣлъ, далѣе котораго вести рѣчь о снятіи маски не приходится никакимъ уже образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не на людяхъ же снимали эту маску, не въ тѣ же часы, когда толпы народа тѣснились у гроба — а въ теченіе 30 и 31 января, „въ эти оба дня“, свидѣтельствуемъ Жуковскій, „болѣе десяти тысячъ человекъ перебывало“ ¹⁾. Какъ ни кратковременна процедура сниманія маски, все же тѣло, положенное въ гробъ, пришлось бы потревожить, отбросить волосы, передъ этимъ причесанные и разглаженные, намазать самое лицо масломъ, потомъ смывать его и т. п.

Когда именно, т. е. въ которомъ часу положенъ былъ Пушкинъ въ гробъ, неизвѣстно; но несомнѣнно, что еще утромъ. Въ 3 часа пополудни, мы знаемъ, академикъ Бруни сидѣлъ уже за мольбертомъ и срисовывалъ его портретъ ²⁾. Шестидесятый градусъ широты, обычное освѣщеніе въ Петербургѣ январскихъ зимнихъ дней — всего этого болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобъ заранѣе признать, что въ три часа день клонился къ закату; къ тому же день 30 января какъ

1) Сочиненія Жуковского, т. VI, стр. 19.

2) Давыдовъ, Квартира А. С. Пушкина въ концѣ января 1837 г. Русская Старина 1887, т. 54, апрѣль, 163.

разъ былъ „пасмурный“; на дворѣ стояла „оттепель“¹⁾. Такимъ образомъ наступали сумерки, и можно съ увѣренностью сказать, что Бруни не начиналъ, а доканчивалъ свою работу, хотя бы и вынужденный отложить ее до другого дня, и что поэтому начало его сеанса едва ли ошибочно будетъ отнесено часа на два или на три ранѣе.

Кромѣ того близкій къ Пушкину Даль, не отходившій въ теченіе всѣхъ этихъ тревожныхъ дней отъ постели умирающаго, сообщаетъ, что тѣло Пушкина вскрывали²⁾, а это могло быть сдѣлано не позже ранняго утра 30-го, если не въ ночь съ 29 на 30, и опять таки, конечно, уже послѣ снятія маски.

Все только-что сказанное, значительно суживая время, когда могло произойти сниманіе маски, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ отвергнуть предположеніе, будто бы гипсовые снимки накладывались на лицо дважды, и съ недоувѣріемъ отнестись къ заявленію „Каталога Пушкинской выставки“, будто бы маска снята была на другой день послѣ смерти поэта. Хотя категорически отрицать его мы не имѣемъ права, но во всякомъ случаѣ версію эту возможно признать лишь при условіи „день“ относить къ самому раннему утру, можетъ быть, даже къ первымъ часамъ пополуночи; слова же „немедленно“ понимать, какъ сознаніе самого Жуковскаго, что черты лица Пушкина еще и ночью „не успѣли измѣниться“.

Таковъ нашъ первый выводъ. Дополнимъ его указаніемъ, что всѣ до сихъ поръ появлявшіеся въ печати снимки не могутъ претендовать на точность воспроизведенія, — не только рисунки Жуковской съ ихъ фантастичными волосами, но и рисунки съ маски г-жи Сѣмечкиной, такъ какъ послѣдняя, какъ мы уже видѣли, воспроизведена не непосредственно, а съ рисунка, рисованнаго карандашомъ, т. е. отъ руки.

1) Ibidem, 162.

2) Сочиненія Пушкина, изд. Анскаго, т. VII, стр. 453, 455.

Вотъ почему, думается, настоящее изданіе маски съ фотографическаго негатива представляетъ ту цѣнность, что впервые даетъ точное и документальное воспроизведеніе оригинала. Таковымъ для настоящаго изданія служила впрочемъ не маска г-жи Сѣмечкиной, а другая, составляющая собственность Библиотеки Императорскаго Юрьевскаго Университета. Эта маска имѣетъ свою маленькую исторію, съ которою я предварительно и хотѣлъ бы подѣлиться.

Маска, хранящаяся въ нашей Библиотекѣ, поступила туда въ даръ отъ профессора Дерптскаго университета М. П. Розберга и въ теченіе многихъ уже лѣтъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Библиотеки, въ т. наз. отдѣленіи проф. Моргенштерна. На этомъ мѣстѣ засталъ ее не только я въ 1891 г., но тамъ же помнятъ ее и многіе другіе задолго до этого года. Можно лишь удивляться, какъ не обратили на нее вниманія ни въ пору составленія проектовъ памятника Пушкину, когда для скульптора такъ цѣнно было имѣть передъ глазами живыя черты наиболѣе близкія къ оригиналу, — ни въ пору открытія этого памятника въ Москвѣ, въ 1880 году, когда все, относящееся до Пушкина, уже само по себѣ представляло большой интересъ, — ни, наконецъ, въ 1887 г., когда пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта оживило толки о немъ и опредѣлило работу общественной мысли снова въ этомъ направленіи.

Лѣтомъ 1895 г. случайный посѣтитель Библиотеки, увидѣвъ эту маску, помѣстилъ о ней замѣтку въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“¹⁾. Высказанное въ ней замѣчаніе, что „такой исторической вещи подобаешь быть не здѣсь, а на самомъ видномъ мѣстѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ (въ Петербургѣ)“ и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что въ университетской Библиотекѣ она находится „не въ своей компаніи: по стѣнамъ развѣшаны портреты всѣхъ нѣмецкихъ, хотя и великихъ поэтовъ (Шиллеръ, Гете, Лессингъ и пр.), но ни од-

1) Мих.—нъ, Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 8 іюля, № 149.

ного русскаго“, — слова эти тогда же нашли свой отголосокъ и породили цѣлую маленькую литературу. Не затрогивая ее полностью¹⁾, остановлюсь лишь на вопросѣ, кто пожертвовалъ въ Юрьевскій университетъ маску Пушкина и представляетъ ли собою данная маска оригиналъ или копію.

„Сынъ Отечества“ высказалъ предположеніе, что маска подарена извѣстнымъ хирургомъ Пироговымъ, бывшимъ воспитанникомъ Дерптскаго университета²⁾. Въ свою очередь „Московскія Вѣдомости“, опираясь на знакомыя уже намъ строки Жуковскаго изъ его „Послѣднихъ минутъ Пушкина“, дарителемъ считали Зейдлица. „Эта маска находилась у Жуковскаго до отъѣзда его за-границу, а по выѣздѣ его изъ Россіи, въ 1841 году, хранилась въ Мраморномъ дворцѣ вмѣстѣ съ коллекціей его картинъ, гипсовъ, гравюръ и книгъ. Послѣ же кончины Жуковскаго и недолгой жизни его жены, Е. А. Жуковской, оставшееся художественное собраніе, въ 1856 году, было приобрѣтено душеприкащикомъ и вѣрнымъ другомъ покойнаго поэта, К. К. Зейдлицомъ, который, проживая то въ Дерптѣ, то въ его окрестностяхъ — въ Мейерсгоффъ (имѣніи, купленномъ также у Жуковскаго), и пожертвовалъ маску Пушкина въ Юрьевскій университетъ“³⁾.

1) Именно по вопросу о мѣстѣ, гдѣ должна храниться маска, такъ какъ прямого отношенія къ нашей темѣ она не имѣетъ, тѣмъ болѣе, что то, что высказывалось по этому поводу, въ большинствѣ носило характеръ не столько объективнаго обсуждения, сколько полемики. „Новое Время“ выражало надежду, что „можетъ быть найдутся люди, которые позаботятся о надлежащемъ помѣщеніи маски“ (1895, 11 іюля, № 6955) и раздѣляло мысль „Р. Вѣстника“ о перенесеніи ея въ Императорскую Публичную Библіотеку (1895, 24 іюля, № 6968); „Гражданинъ“ высказывался за Александровскій Лицей (См. Риж. Вѣстникъ 1895, 12 іюля, № 152 и 15 іюля, № 155); нѣмецкая мѣстная юрьевская газета, „Neue Dörptsche Zeitung“, наоборотъ, отстаивала права Университета, какъ собственника, хранившаго маску въ теченіе двухъ поколѣній (около 50 лѣтъ), и допускала возможность найти въ помѣщеніяхъ Имп. Публичной Библіотеки другой экземпляръ такой же маски (1895, 19 Juli, № 160). Другая мѣстная газета, русская — „Прибалтійскій Листокъ“, отстаивала ту же точку зрѣнія (Приб. Лист. 1895, 24 іюля, № 27—28).

2) См. Рижскій Вѣстникъ 1895, 13 іюля, № 153.

3) К—ій, Гипсовая маска Пушкина. Москов. Вѣдомости 1895, 18 іюля, № 195.

Было высказано и третье предположение: „*Neue Dörptsche Zeitung*“ называла ¹⁾ профессора Моргенштерна, исходя, вѣроятно, изъ того соображенія, что маска хранилась въ Библиотекѣ въ отдѣленіи, носящемъ имя этого послѣдняго. Моргенштернъ, извѣстный въ свое время дерптскій профессоръ по кафедрѣ древнеклассической филологіи, большой эстетикъ и тонкій цѣнитель искусствъ, положившій не мало заботъ на устройство университетской Библиотеки, лежавшей на его попеченіи ²⁾, стоялъ въ дружескихъ связяхъ съ Жуковскимъ и могъ, по мнѣнію газеты, получить маску отъ послѣдняго.

Впрочемъ почти тотчасъ же газета имѣла возможность исправить свою ошибку, напавъ на точный слѣдъ ³⁾, и назвать дѣйствительнаго дарителя, профессора Розберга, получившаго ее въ 1856 г. при своемъ посѣщеніи Святогорскаго монастыря, въ даръ отъ П. А. Осиповой на самой могилѣ поэта и въ свою очередь передавашаго ее библиотекѣ Дерптскаго университета въ 60-хъ годахъ ⁴⁾. Ту же версію повторила и другая мѣстная газета — „Прибалтійскій Листокъ“ ⁵⁾.

Если, наконецъ, удалось напасть на вѣрный слѣдъ касательно лица, подарившаго маску (хотя и въ слишкомъ неопредѣленной формѣ относительно первоисточниковъ, позволившихъ связывать подарокъ съ именемъ Розберга и Осиповой),

1) „*Neue Dörptsche Zeitung* 1895, 19 Juli, № 160.

2) Онъ управлялъ ею до 1839 г.

3) Die Angabe beruht auf Mittheilungen, die anlässlich unserer Notiz aus dem Kreise der nächsten Angehörigen des weil. Professors Rosberg gemacht worden sind (*Neue Dörptsche Zeitung* 1895, 21 Juli, Nr. 162). Здѣсь имѣются въ виду сообщенія г-жъ Розбергъ, дочерей проф. Розберга.

4) Die Todtenmaske, welche die Freundin des verstorbenen Dichters (т. е. П. А. Осипова) an seinem Grabe Professor Rosberg überreichte, muss von Letzterem in den 60-er Jahren der hiesigen Universitäts-Bibliothek zum Geschenk gemacht worden sein. (*Neue Dörptsche Zeitung* 1895, 21 Juli, Nr. 162).

5) R., Маска Пушкина въ Юрьевѣ. Прибалтійскій Листокъ 1895, 24 июля, № 27—28, стлб. 418—420. Перепечатавая сообщеніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и отстаивая свою версію, „*Neue Dörptsche Zeitung*“ считала возможнымъ, что маска попала къ Осиповой отъ Жуковскаго еще при жизни послѣдняго, можетъ быть, при отъѣздѣ его за-границу (1895, 24 Juli, Nr. 163).

то по вопросу о томъ, что это за маска, копія или оригиналь, всѣ высказанныя сужденія не дали никакой твердой точки опоры для вывода.

Знакомый уже намъ авторъ замѣтки „Рижскаго Вѣстника“¹⁾ считалъ весьма возможнымъ видѣть въ маскѣ „единственную, современную, подлинную, а не копію съ оригинальной или эскиза: маска до того „мертва“, въ ней столько характерныхъ деталей, что по моему мнѣнію (добавлялъ онъ) не можетъ быть сомнѣній, что эта маска снята съ покойнаго поэта“²⁾. Онъ же еще раньше писалъ: „Маска (гипсовая), повидимому, снята сейчасъ же послѣ смерти, такъ какъ черты прекрасно сохранились (судя по портретамъ). Нѣсколько полуоткрытый ротъ, рядъ зубовъ, характерный типъ лица и впалые мертвые глаза“³⁾. Г. К-ій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, какъ мы уже видѣли, категорически признавалъ маску за оригиналь; съ своей стороны „Neue Dörptsche Zeitung“ считала мало-вѣроятнымъ, чтобы Жуковский такъ скоро послѣ смерти поэта подарилъ оригиналь⁴⁾. Когда оказалось, что маска раньше принадлежала П. А. Осиповой, то, допуская возможность, что послѣдняя владела оригиналомъ, для газеты еще оставался нерѣшеннымъ вопросъ: этотъ ли оригиналь или только копію съ него получилъ профессоръ Розбергъ⁵⁾; сообщеніе же „Московскихъ Вѣдомостей“ придадо извѣстную долю вѣроятности въ пользу оригинала⁶⁾.

Соображенія провинціальныхъ газетъ вызвали въ „Новомъ Времени“ замѣтку г. Либровича⁷⁾, который напоминалъ уже

1) На этотъ разъ онъ подписался болѣе полнымъ именемъ.

2) Гражданскій инженеръ Мих. А-н-ш-нъ, Еще о маскѣ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскій Вѣстникъ 1895, 15 іюля № 155. Написано по поводу словъ „Гражданина“: „если она (маска) дѣйствительно снята съ поэта“.

3) Рижскій Вѣстникъ 1895, № 149.

4) N. D. Zeitung 1895, 19 Juli, Nr. 160.

5) N. D. Zeitung 1895, 21 Juli, Nr. 162.

6) N. D. Zeitung 1895, 24 Juli, Nr. 163.

7) С. Либровичъ, Маска Пушкина. Новое Время 1895, 31 іюля, № 6975.

извѣстныхъ намъ данныя изъ своей книги „Пушкинъ въ портретахъ“. Впрочемъ на этотъ разъ онъ отступилъ отъ прежняго предположенія и допускалъ снятiе лишь одной маски, считая университетскiй экземпляръ за копію. Свидѣтельство Жуковскаго въ „Послѣднихъ минутахъ“ относится, по мнѣнію г. Либровича, къ маскѣ, снятой на другой день послѣ смерти поэта, — „и другой маски, кромѣ этой снято не было. По крайней мѣрѣ очевидцы смерти Пушкина и слѣдовавшихъ за тѣмъ дней до погребенія поэта ничего о такой маскѣ не упоминаютъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ полагать, что маска, бывшая на Пушкинской выставкѣ, и та, о которой пишетъ Жуковскiй, есть одна и та же маска и что если имѣются еще какія либо маски Пушкина, то это лишь снимки съ подлинной маски“.

Заключительная мысль замѣтки состояла въ слѣдующемъ : „Сходство рисунка Жуковской съ маскою Юрьевскаго университета невольно наводитъ на мысль, что маска Пушкина, находящаяся въ Юрьевскомъ университетѣ, не есть подлинная посмертная маска, но лишь одна изъ тѣхъ копій, которыя въ свое время выпустилъ въ продажу Палацци“.

Трудно понять, что именно могло навести г. Либровича (самъ онъ университетской маски не видалъ) на мысль объ этомъ сходствѣ; однако, не смотря на категорическое опроверженіе ¹⁾, „Историческiй Вѣстникъ“ въ сводной статьѣ по возникшему вопросу принялъ его точку зрѣнія ²⁾.

Сказаннымъ исчерпывается литература, посвященная маскѣ, принадлежащей Библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета.

1) Мих. А-нъ, Еще о „маскѣ“ Пушкина въ Юрьевѣ. Рижскiй Вѣстникъ 1895, 2 августа, № 169. То же и въ N. D. Zeitung 1895, 3. August, № 172.

2) „Доводы г. Либровича, повидимому, вполне убѣдительны и едва ли могутъ быть поколеблены появившимся въ „Рижскомъ Вѣстникѣ“ письмомъ г. М. А-на“ (Маска Пушкина. Историч. Вѣстникъ 1895, сентябрь (въ отдѣлѣ смѣси), стр. 815—817).

Михаилъ Петровичъ Розбергъ былъ современникомъ Пушкина, почти въ однихъ годахъ¹⁾, и лично зналъ поэта. Хотя и нѣмецъ по происхожденію, онъ былъ русскимъ по воспитанію, и при томъ настолько, что роднымъ нѣмецкимъ языкомъ владѣлъ далеко не съ такою легкостію, какъ русскимъ²⁾. Первые дѣловыя бумаги его, по вступленіи въ Дерптскій университетъ, написаны или порусски, или по-французски, и лишь позже переходитъ онъ на общеупотребительный въ то время въ здѣшнемъ университетѣ языкъ. Письмо его, недавно напечатанное въ „Историческомъ Вѣстникѣ“³⁾, доказываетъ не только полную свободу въ русской рѣчи, но и несомнѣнный навыкъ къ изящнымъ литературнымъ формамъ.

Родившись въ Москвѣ, Розбергъ и образование закончилъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1825 г., со степенью кандидата философіи. Первое время по окончаніи курса, онъ продолжалъ жить въ первопрестольной и здѣсь познакомился съ Пушкинымъ. Вотъ какъ впоследствии онъ самъ вспоминаетъ объ этомъ: „Я вспомнилъ день, осенью 1826 года, въ который я встрѣтился у Веневитинова, вечера нашихъ общихъ, согрѣтыхъ огнемъ юности, пировъ у Полевыхъ, за Сухаревой башней; мнѣ мерещилось гулянье подъ Новинскимъ, гдѣ я видѣлъ, какъ толпы народа ходили за славнымъ пѣв-

1) Г. Тройницкій говоритъ, что онъ родился въ 1804 г. (Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751); въ послужномъ спискѣ Розберга вообще сказано, что въ 1845 г. ему было 40 лѣтъ (Архивъ Юрьевского университета).

2) Herr Michael Rosberg ist zwar in einer ursprünglich deutschen Familie in Moskau geboren, muss jedoch nach dem ganzen Gange seiner Erziehung und Bildung als Russe von Nation betrachtet werden, da er, wiewohl er sich der deutschen Sprache durch Studium in dem Grade bemächtigt hat, dass er in derselben abgefasste Werke selbst aus dem Fache der speculativen Philosophie ohne Schwierigkeit liest und versteht, doch das Deutsche nicht zum bequemen Gebrauch der mündlichen Unterhaltung beherrscht (Архивъ Юрьевского Университета).

3) 1899, № 5.

цомъ Эльборуса и Бахчисарая, при восклицаніяхъ съ разныхъ сторонъ — укажите! укажите намъ его!“ 1).

Въ 1829 г. Розбергъ поступаетъ на службу въ Одессу чиновникомъ особыхъ порученій при Бессарабскомъ и Новороссійскомъ генераль-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, а съ 1830 г. по 1834 издаетъ „Одесскій Вѣстникъ“. Тогда же Розбергъ назначенъ былъ учителемъ русской литературы въ Ришельевскомъ лицей, а годъ спустя занялъ, все тамъ же, „профессорскія каѳедры исторіи и русской словесности, первую съ 20 октября, а послѣднюю съ 14 декабря 1831 года и продолжалъ преподаваніе до 1 сентября 1835 года“ 2). Здѣсь застало его избраніе на каѳедру русскаго языка и литературы, которую онъ занималъ въ теченіе свыше 30 лѣтъ (1836—1867), когда за выслугою 35-лѣтняго срока службы вышелъ въ отставку 3). Членъ Академіи Наукъ по 2 отдѣленію съ 1849 г. 4), Розбергъ скончался въ Дерптѣ 1 ноября 1874 г. 5).

Хотя московское знакомство Розберга съ Пушкинымъ, повидимому, было довольно мимолетно, на тѣхъ вышеупомянутыхъ свиданіяхъ и оборвалось; но для новаго профессора, съ переѣздомъ въ Дерптъ, лежащія по сосѣдству, въ разстояніи какихъ-нибудь сутокъ или полутора ѣзды, Михайловское и Тригорское могли имѣть притягательную силу уже по одному имени Пушкина, съ нимъ связанному. Кромѣ того не забудемъ, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ культурныя связи, литературныя и научныя, по ту и по другую сторону Пейпуса (любопытная, но мало еще обслѣдованная страничка изъ исторіи нашей общественности) вообще были довольно оживленными. Стоитъ вспомнить Жуковскаго, Язы-

1) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 753.

2) Архивъ Юрьевскаго университета.

3) Архивъ Юрьевскаго университета.

4) Историческій Вѣстникъ 1899, май, стр. 751.

5) Архивъ Юрьевскаго университета. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899, май, стр. 751, конечно, опечатка: 1847 вм. 1874 г.

кова, Пушкина, Вульфа, Елагину, Зейдлица, псковскаго архіепископа Евгенія (Болховитинова) и рядъ дерптскихъ профессоровъ, чтобы понять о чемъ я говорю.

Профессору русской литературы вполнѣ естественно было посѣтить мѣста, освященныя вдохновеніемъ поэта, и вотъ лѣтомъ 1856 г. Розбергъ, дѣйствительно, собрался туда. Онъ испросилъ себѣ двухмѣсячный отпускъ¹⁾, во второй половинѣ іюля явился гостемъ въ Александровѣ, имѣніи Сердобинныхъ, отсюда совершилъ поѣздку въ Голубово, къ Вревскимъ, гдѣ познакомился съ А. Н. Вульфомъ; потомъ „вдвоемъ“ съ магистромъ Дерптскаго университета Солнцевымъ съѣздили въ Святогорскій монастырь поклониться праху поэта, а на обратномъ пути заѣзжали въ Михайловское и Тригорское, имѣніе Осиповыхъ²⁾. Долго ли онъ здѣсь пробылъ, видѣлъ ли онъ кого, къ сожалѣнію, Розбергъ въ недавно напечатанномъ письмѣ своемъ къ брату ни о чемъ объ этомъ не упоминаетъ ни словомъ. Только однажды, говоря о знакомствѣ въ домѣ Вревскихъ съ Вульфомъ, Розбергъ замѣчаетъ, что „отъ него (т. е. Вульфа) и отъ сестеръ его по второму замужству его матери, дѣвицъ Осиповыхъ, слышалъ я много любопытныхъ наглядныхъ подробностей“³⁾. Но гдѣ видѣлъ онъ Осиповыхъ, въ Голубовѣ или у нихъ дома, въ Тригорскомъ?

Нельзя не обратить вниманія и на полное умолчаніе объ Осиповой-матери, Парасковѣ Александровнѣ, которая, конечно, всего больше могла бы сообщить Розбергу подробностей о Пушкинѣ. П. А. Осипова была въ ту пору еще жива, хотя уже и въ преклонномъ возрастѣ, 76 лѣтъ⁴⁾. Впрочемъ умолчаніе о П. А. еще не доказательство, чтобъ Розбергъ съ ней не видался. Не говоря про то, что въ „Историческомъ

1) Съ 19 іюня по 19 августа. Архивъ Юрьевскаго университета.

2) Могила Пушкина въ 1856 году. Историч. Вѣстникъ 1899, май, стр. 751—752.

3) Ibidem, 752.

4) Она умерла въ 1859 г. (Ефремовъ, А. С. Пушкинъ. Русская Страница 1879, т. 26, октябрь, стр. 296).

Вѣстникъ“ помѣщенъ лишь „отрывокъ“ письма, но и самое „письмо“ по формѣ и характеру изложенія скорѣе смахиваетъ на записку, какой-нибудь отчетъ, а не на бесѣду, какая ведется въ обычной перепискѣ. Да если получать было Розбергу маску, то, конечно, не отъ дочерей, а отъ матери, которая въ семьѣ одна только и могла распорядиться такою вещью.

Фактъ же полученія Розбергомъ маски отъ П. А. Осиповой опирается на категорическое заявленіе дочерей проф. Розберга, дѣвицъ М. М. и Е. М. Розбергъ, и понынѣ живущихъ въ г. Юрьевѣ: „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1856 г., при посѣщеніи могилы Пушкина, П. А. Осипова подарила М. П. Розбергу маску Пушкина. Отчего проф. Розбергъ не упоминаетъ объ этомъ въ напечатанномъ письмѣ къ брату, неизвѣстно. Не потерялось ли второе письмо, въ которомъ описана поѣздка въ Тригорское и передача маски? Теперь узнать это невозможно за смертію всѣхъ свидѣтелей и участвовавшихъ лицъ. На запросъ объ маскѣ одна изъ дочерей барона Вревскаго отвѣчала, что у бабушки ея, П. А. Осиповой, были три маски Пушкина, а послѣ смерти нашли только двѣ“.

Подаренную маску Розбергъ привезъ, тщательно укутавъ ее въ вату.

Мы видѣли выше, что лица наиболѣе близкія къ Розбергу считаютъ, что маска была передана Осиповой на самой могилѣ поэта. Между тѣмъ изъ письма Розберга довольно ясно, что при немъ въ Святогорскомъ монастырѣ, кромѣ спутника Солнцева, никого изъ пріѣзжихъ не было; разумѣется, онъ могъ вторично съѣздить туда, изъ Тригорскаго, вмѣстѣ съ старушкой Осиповой; но если даже и допустить, что послѣдняя была на это въ силахъ, все же чувствовалась бы нѣкоторая натянутость въ предположеніи (а оно въ такомъ случаѣ неизбѣжно), что Осипова нарочно брала маску изъ Тригорскаго и возила ее въ Святогорскій монастырь для врученія, тогда какъ гораздо проще это можно было бы сдѣлать въ самомъ домѣ. Тѣмъ не менѣе въ виду источника, изъ котораго сложилось

такое представленіе, мы не имѣемъ права отвергать его, тѣмъ болѣе что то, что кажется въ нашъ вѣкъ натянутымъ и ненатуральнымъ, для людей, воспитанныхъ въ эпоху романтизма, могло быть движеніемъ вполне естественнымъ.

Впрочемъ вопросъ о пунктѣ, гдѣ маска изъ однихъ рукъ перешла въ другія, въ настоящемъ случаѣ не играетъ никакой роли. Съ другой стороны, если вспомнить, что поѣздка Розберга имѣла главною цѣлью Пушкина, мѣста, освященныя его именемъ, что не даромъ и въ описаніи самой поѣздки особенно выдвинуто посѣщеніе могилы поэта и тѣ мысли, что были вызваны ею созерцаніемъ, — то легко допустить, что у собесѣдниковъ и слушателей Розберга съ годами детали этой поѣздки, отдѣльные эпизоды въ общемъ окристаллизовались въ одной фразѣ: Пушкинъ и его могила.

По свидѣтельству г-жъ Розбергъ, маска была передана лично ихъ отцомъ бібліотекарю университетской Библіотеки въ шестидесятыхъ годахъ, безъ какого-либо письменнаго заявленія, какъ и вообще все, что передавалъ туда же онъ или родственники послѣ его смерти. Отсутствіе такого письменнаго заявленія лишаетъ насъ возможности точнѣе приурочить время поступленія маски въ Университетъ, такъ какъ и сами г-жи Розбергъ не помнятъ точнаго года; поиски же мои въ университетскомъ архивѣ, своими отрицательными результатами, тоже подтверждаютъ отсутствіе письменныхъ слѣдовъ.

Остается рассмотреть вопросъ объ „оригинальности“ университетской маски. Определенно сказать, оригиналь ли это или копія, при наличности настоящихъ данныхъ (они все исчерпаны на предыдущихъ страницахъ), положительно невозможно. Заявленія въ родѣ тѣхъ, что мы уже читали выше¹⁾, что маска эта „единственная подлинная“, что именно она снята съ покойнаго поэта, — не заключая въ себѣ ничего невѣроятнаго, все же строгихъ требованій критики не удо-

1) См. выше стр. 51.

влетворяютъ: для этого прежде всего необходимъ былъ бы голосъ спеціалиста и чисто техническое сравненіе тѣхъ отличій, которыя могутъ или должны существовать между копіей и оригиналомъ, указаніе той степени близости или отдаленности, съ какою передаются черты лица такимъ оригиналомъ и копією.

Съ другой стороны, мнѣ кажется, во всемъ этомъ вопросѣ до сей поры упускался изъ вниманія одинъ важный, очень существенный вопросъ: повидимому, никто не далъ себѣ труда задуматься, чтó собственно въ подобныхъ маскахъ слѣдуетъ считать оригиналомъ, чтó копією. Насколько можно судить по приведеннымъ мнѣніямъ, подъ оригиналомъ все понимали маску, непосредственно наложенную на лицо и по которой выливались все остальные; эти же послѣднія, отлитыя по той, первой, и были копіями.

Но ошибочность такого представленія легко раскроется, если вспомнить самый процессъ приготовленія масокъ: гипсъ, наложенный непосредственно на лицо, не дастъ еще маски, а лишь то, что, пользуясь фотографическимъ терминомъ, можно было бы назвать негативомъ; съ такого-то негатива и получаютъ отпечатки-позитивы: первый, второй, третій и т. д. Все они будутъ оригиналы, собственно же копією будетъ маска, отлитая по одному изъ такихъ позитивныхъ оригиналовъ. Отсюда ясно, что то, что до сихъ поръ въ литературѣ Пушкинской маски понимали подъ выраженіемъ „оригиналъ“, дастъ лишь обратное изображеніе лица (впадину вмѣсто носа, бугоръ вмѣсто открытаго рта и т. п.); и такой „оригиналъ“ цѣненъ не самъ по себѣ, но лишь какъ орудіе для послѣдующаго затѣмъ процесса въ преслѣдованіи намѣченной цѣли.

Гдѣ основной негативъ — мы не знаемъ; въ виду типичности чертъ университетской маски и, повидимому, маски, чтó принадлежитъ г-жѣ Сѣмечкиной, можно думать, что онѣ обѣ оригиналы, а такихъ оригиналовъ, по всей вѣроятности сдѣлано было нѣсколько. Взаимное отношеніе этихъ двухъ

масокъ, можетъ быть, удалось бы до нѣкоторой степени опредѣлить путемъ сличенія ихъ размѣровъ. Привожу размѣры университетской маски, что дастъ нѣкоторое понятіе и о лицѣ самого Пушкина:

1. Длина маски отъ верхняго ея края до нижняго вдоль линіи носа — $23\frac{1}{2}$ сент.
2. Ширина маски отъ лѣваго ея края до праваго вдоль глазныхъ яблокъ и по переносицѣ — $20\frac{1}{2}$ сент.
3. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, проводя линію подъ носомъ — $18\frac{1}{3}$ (съ третью) сент.
4. Ширина маски отъ лѣваго края до праваго, по линіи, проходящей между губами — 15 сент.
5. Разстояніе отъ праваго (внѣшняго) края праваго глаза (собственно вѣка) до лѣваго (внѣшняго) края лѣваго глаза (собственно вѣка) — $11\frac{3}{4}$ (три четверти) сент.
6. Длина носа — 6 сент.
7. Длина рта — 6 сент.
8. Открытость рта, отъ нижней части верхней губы до наружнаго края нижней, по срединѣ рта, на линіи носа — 1 сент.

Если считать, что копіи обыкновенно значительно слабѣе, по выразительности, то маску университетскую, внѣ всякаго спора, слѣдуетъ отнести къ разряду оригинальныхъ. Она прекрасно передаетъ всемъ извѣстныя черты поэта: явственно отпечатлѣлись на ней толстыя, мясистыя губы; прямой, у конца слегка погнутый къ низу, носъ съ широкими раздавшимися ноздрями; широкій открытый лобъ съ мощной надглазною костью. Въ числѣ мелкихъ подробностей особенно бросается небольшая ямка, точно вдавленная пальцемъ, на правомъ вѣкѣ, въ части обращенной къ носу; замѣчаются также два небольшихъ углубленія и на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ, но одно изъ нихъ едва-едва примѣтно. Ротъ даетъ возможность если не видѣть, то по крайней мѣрѣ чувствовать рядъ зубовъ.

Печать смерти лежитъ на всемъ лицѣ, и эта смерть такъ „жизненна“, такъ очевидна: лицевыя мускулы и мускулы на

лбу сильно напряжены и выражаютъ усилие; глаза глубоко закрыты и чувствуется, что ничто уже не подниметь ихъ болѣе: полуоткрытый ротъ точно окостенѣлъ и какъ разъ въ ту минуту, когда умирающій поэтъ, собравъ послѣднія силы, полною грудью произноситъ свои слова, съ которыми, по свидѣтельству современниковъ,¹⁾ онъ окончательно покинулъ этотъ мѣръ: „прощай, жизнь!“ — жизнь, которая принесла ему столько мученій и которую онъ тѣмъ не менѣе такъ страстно любилъ... Вообще черты лица страданіемъ не искажены, но присутствіе смерти выражено настолько ясно, что невольно поддаешься тому торжественно-скорбному настроенію, какое обыкновенно производитъ на насъ зрѣлище только-что угасшей жизни.

При взглядѣ на эту маску само собой вспоминаются слова Жуковского, — онъ точно списывалъ съ нея: „Что выразалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое, нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И чтѣ-бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою, и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли Конечно, того перваго выраженія, которое дала смерть, не сохранилось; но всѣ мы имѣемъ отпечатокъ привлекатель-

1) Записки Смирновой, т. II, стр. 83.

ный, изображающій не смерть, а глубокой и величественный сонъ“ 1).

Маска Пушкина покоится на гипсовой забронзированной подушкѣ, на нижней передней части которой (по зеленому фону) бронзовою краскою начертаны слова: „А. С. Пушкинъ“. Стекланный колпакъ предохраняетъ маску отъ пыли.

Ко дню 26 мая 1899 г. прежній колпакъ замѣненъ новымъ, болѣе широкимъ и удобнымъ, а гипсовая подушка вложена въ доску и вмѣстѣ съ нею обита плюшемъ темновишневаго цвѣта.

Эти строки были уже написаны, когда Юрьевскій университетъ получилъ изъ Парижа, отъ А. О. Онѣгина, въ даръ новый экземпляръ посмертной маски Пушкина, прекрасный слѣпокъ, хотя и уступающій по качествамъ полученному отъ Розберга: въ немъ менѣе подробностей, мускулы болѣе сглажены, все лицо не такъ индивидуализировано; не такъ ясно прочерчены глаза, не такъ чувствуются зубы, не столь отчетливо обозначены ноздри: и то, и другое, и третье представляется какъ бы заплывшимъ, точно снимокъ производился со вторичнаго негатива. Волосы на бакахъ на маскѣ проф. Розберга виднѣе и опредѣленнѣе, ямка на правомъ вѣкѣ — нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ. Что же до двухъ небольшихъ углубленій надъ лѣвымъ глазомъ, то въ новомъ снимкѣ одно, самое миниатюрное, исчезло совсѣмъ, другое же выражено слабѣе. Какъ бы замѣнъ этого нѣсколько повыше двѣ новыхъ впадинки, очерченныхъ довольно рѣзко, значительныя и по размѣрамъ, — между тѣмъ на присутствіе ихъ въ маскѣ проф. Розберга нѣтъ никакого даже намека. Наконецъ, и еще отличіе: маскѣ проф. Розберга приданъ глянецъ, какъ это прежде обыкновенно дѣлалось съ гипсовыми слѣпками; на маскѣ же г. Онѣгина глянца нѣтъ, что косвенно тоже свидѣтельствуесть, что этотъ оттискъ приготовленія болѣе

1) Сочиненія Жуковского, т. VI, стр. 18—19.

поздняго. Вдобавокъ у нея на кончикѣ носа и подъ ноздрями желтыя пятна — слѣды масла, которымъ предварительно снятія, вѣроятно, обмазывали негативъ. Размѣрами отдѣльных частей своихъ¹⁾ новая маска совершенно тождественна съ прежнею.

Общаго подсчета всѣхъ существующихъ нынѣ масокъ еще не сдѣлано. Кромѣ нашихъ двухъ университетскихъ и г-жи Сѣмечкиной недавно заявлено объ экземплярахъ, принадлежащихъ сыну извѣстнаго художника, мировому судѣ П. Н. Ге²⁾ и А. А. Лишину³⁾. Авторъ замѣтки, указавшій на первый изъ этихъ двухъ, говоритъ, что масокъ существуетъ четыре. Было бы очень важно указать основанія, по какимъ утверждается эта цифра: это дало бы извѣстную точку опоры въ сужденіяхъ объ оригиналахъ и копіяхъ. Судя по газетамъ⁴⁾, и на Московской выставкѣ выставлена маска Пушкина; такимъ образомъ всего масокъ оказывается шесть. Которыя изъ нихъ копи, которыя — оригиналы?

1) См. выше стр. 59.

2) Русскій, Пушкинская юбилейная выставка. Новое Время 1899, 17 мая, № 8339.

3) А. А. Лишинъ, Письмо въ редакцію. Новое Время 1899, 18 мая, № 8340.

4) Московскій Дневникъ. Россія 1899, 17 мая, № 20.

II.

П и с ь м о.

Письмо Пушкина, хранящееся въ Библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета, входитъ въ составъ коллекціи автографовъ, нѣкогда собранныхъ консерваторомъ Императорскаго Эрмитажа Шардіусомъ и подаренныхъ имъ въ 1852 г. нашему университету ¹⁾).

Вотъ его содержаніе:

Милостивый Государь
Михаила Николаевичъ.

Братъ вчерашняго Австрійскаго императора Щепина возымилъ сильное желаніе быть принятымъ въ театральную школу. Препоручаю Его Высочество Вашему покровительству.

Сегодня или завтра ѣду въ П. б. на нѣсколько дней — надѣюсь при своемъ возвращеніи нати Васъ и все семейство Ваше въ добромъ здоровіи.

Весь Вашъ

А. Пушкинъ.

14 іюля
Москва.

На оборотѣ адресъ:

„Его Высочордію Милостивому Государю
Михайлу Николаевичу Загоскину“.

¹⁾ Письмо было уже напечатано г. Кордтомъ въ Русск. Старицѣ 1890, т. 67, августъ, стр. 292, но безъ указанія мѣстонахожденія автора и безъ опредѣленія года, къ которому слѣдуетъ его приурочить.

Письмо писано на простой плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта безъ какихъ-либо водяныхъ знаковъ, формата четвертушки писчаго листа, запечатано красною сюргучною печатью съ изображеніемъ какого-то герба. Почтовый штемпель отсутствуетъ. По почерку, письмо это очень сходно съ письмомъ Пушкина къ Погдину отъ 6 января 1830 г., факсимиле съ котораго приложено къ сочиненіямъ поэта, изд. подъ редакціей г. Ефремова, при томѣ VII¹⁾: то же начертаніе буквъ **Д, Я**, такія же широкія тире; вообще совершенно одинаковая манера письма, развѣ лишь только съ болѣе ускореннымъ и торопливымъ ритмомъ движенія пера. Что же до болѣе точной даты, то ее необходимо отнести къ тому же 1830 году, и не столько въ силу только-что указаннаго сходства, сколько потому что пребываніе Пушкина въ Москвѣ 14 июля было бы трудно, даже невозможно приурочить къ инымъ годамъ.

Письмо писано къ Загоскину и имѣетъ въ виду ходатайство, исполненіе котораго зависѣло отъ послѣдняго по его отношеніямъ къ театральной школѣ. Для Загоскина же эти отношенія начались съ 1823 г., когда **Ө. Ө. Кокоскинъ** былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ, а онъ опредѣленъ въ контору дирекціи членомъ по хозяйственной части²⁾. Въ должности этой Загоскинъ продолжалъ оставаться и въ 1830 г., лишь съ 1831 г. занявъ мѣсто Кокоскина³⁾. Эти данныя указываютъ намъ исходную точку въ дальнѣйшихъ поискахъ. Едва ли надо доказывать, что до 1823 г. печатаемаго нынѣ письма Пушкинъ писать не могъ; по выходѣ изъ Лицея, лѣтніе мѣсяцы 1817—1819 гг. онъ проводитъ у своихъ, въ Михайловскомъ, и живетъ въ Петербургѣ, еще не заглядывая въ Москву, а 5 мая 1820 г. покидаетъ столицу и ѣдетъ на югъ. Эти годы какъ разъ совпадаютъ съ пребываніемъ въ Петербургѣ и Загоскина, переѣхав-

1) М. 1882, изд. Анскаго.

2) Сочиненія М. Н. Загоскина. Томъ I. Спб. 1889, стр. LVI.

3) Ibidem, LXXXIV.

шаго на постоянное жительство въ Москву въ половинѣ 1820 г. 1).

Съ 1820 г. до 30 мая 1824 г. Пушкинъ пробылъ на югѣ, затѣмъ болѣе двухъ лѣтъ въ Михайловскомъ и лишь въ сентябрѣ 1826 г. появился въ Москвѣ. Пробывъ тамъ зиму 1826—27 г., Пушкинъ весною переѣхалъ въ Петербургъ, которымъ помѣчены между прочими письма его къ Языкову и Бенкендорфу отъ 14 іюня и 20 іюля. Въ концѣ же іюля онъ опять въ Михайловскомъ 2). Въ 1828 г. извѣстно его письмо Соболевскому отъ 15 іюля изъ Петербурга; лѣто 1829 г. посвящено Кавказу; 6-мъ и 16-мъ іюля 1831 г. помѣчены его письма Чаадаеву и Плетневу изъ Царскаго Села; 11-мъ іюля 1832 г. — письмо Погодину изъ Петербурга. 6 іюля 1833 г. у Пушкина родился сынъ, и поэтъ все лѣто провелъ съ семьей въ Петербургѣ 3) и лишь 18 августа выѣхалъ черезъ Москву въ Болдино и въ Приволжскія губерніи 4); въ 1834 г. намъ извѣстно письмо его къ женѣ отъ 14 іюля изъ Петербурга; въ 1835 іюль мѣсяцъ проводитъ онъ тамъ же 5). Наконецъ, въ 1836 г. онъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву въ маѣ мѣсяцѣ 6), вернулся 23 мая 7), прожилъ на берегахъ Невы до конца іюня 8) и поѣхалъ затѣмъ въ деревню.

1830 годъ опредѣляется сверхъ того и самымъ содержаниемъ настоящаго письма: „Сегодня или завтра ѣду въ Петербургъ“, говоритъ Пушкинъ. И дѣйствительно, 20 іюля 1830 г. онъ былъ уже дома: 19-го (это было въ пятницу)

1) Ibidem, XLII.

2) См. письмо Дельвигу отъ 31 іюля 1827 г.

3) См. письма его оттуда отъ 26 и 30 іюля.

4) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, октябрь, 38—39.

5) Ibidem, декабрь, 565. Ср. письмо Пушкина изъ Петербурга, отъ 22 іюля 1835 г.

6) Оттуда его письма 4—18 мая.

7) Павлицевъ, Изъ семейной хроники. Истор. Вѣстникъ 1888, декабрь, 584.

8) Ibidem, 585.

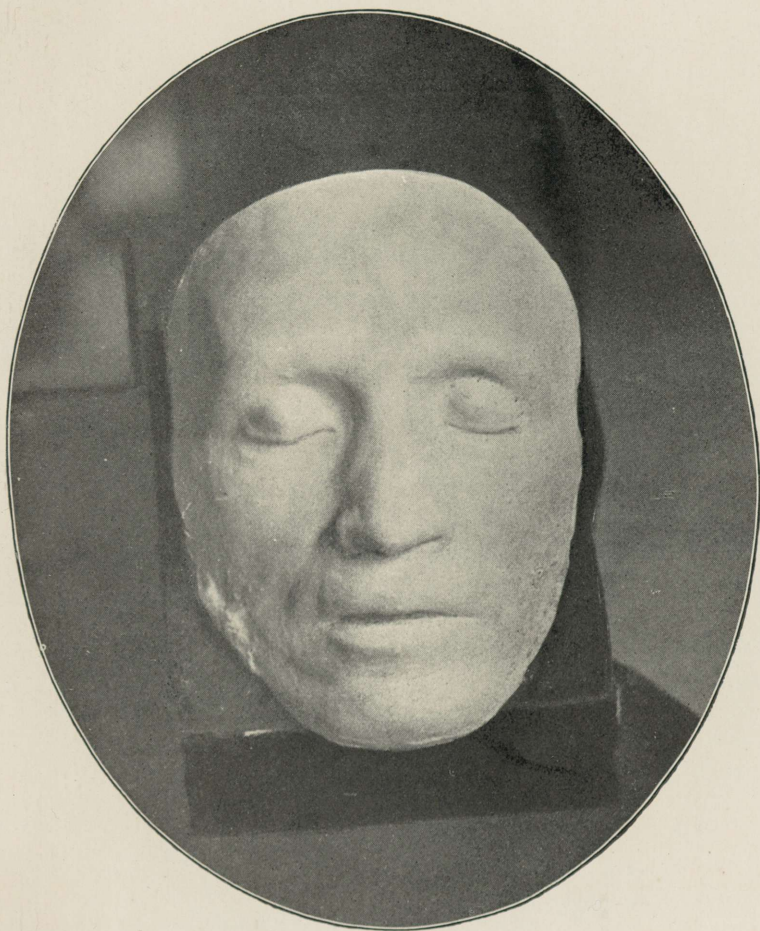
мать его, Н. О. Пушкина, пишетъ дочери Ольгѣ Сергѣевнѣ изъ Петербурга: „Александра здѣсь еще нѣтъ; впрочемъ его надо ожидать съ минуты на минуту 1);“ она же ей отъ 22 іюля, т. е. въ понедѣльникъ: „Александръ, наконецъ, съ нами. Приѣхалъ онъ въ прошлую субботу. Проведя цѣлый день вмѣстѣ, мы простились со Львомъ. Нашъ храбрый капитанъ уѣхалъ въ воскресенье“ 2). Капитанъ Левъ — это братъ поэта, отправлявшійся черезъ Москву на Кавказъ къ мѣсту своего служенія. Съ нимъ Пушкинъ отправилъ письмо своей невѣстѣ, Н. Н. Гончаровой, написавъ его въ первый же день своего приѣзда 3).

14 іюля 1830 г. приходилось на воскресенье. Записка Загоскину не имѣетъ ли отношенія къ какому-нибудь спектаклю, можетъ быть домашнему? Имя Щепина-актера встрѣчается въ театральной хроникѣ московскихъ газетъ тридцатыхъ годовъ.

1) Павлицевъ, Ibidem, іюнь, 578.

2) Ibidem.

3) Письмо 20 іюля 1830.

Министерству Юстиции

Милостивому Государю

Брату моему Александру Николаевичу
Коллежскому Регистратору
приказано от Высочайшего
Величества Государя Императора
в том, что вы, будучи
в отпуске, должны были
явиться в службу в назначенный
срок, но не явились.

Ввиду того, что вы
на время отлучились
из дома, не уведомив
меня об этом, прошу
вас уведомить меня
о времени вашего
возвращения.

14 июня
1864

Ваш брат

Александр

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Михаилу Николаевичу
Зароскину

Пушкинъ какъ идеаль душевнаго здоровья.

Пушкинъ такъ великъ, произведенія его такъ содержательны, что изученіе его жизни и произведеній поучительно не только для художника, моралиста, государственнаго дѣятеля и историка, но и для врача. Въ произведеніяхъ Пушкина врачъ найдетъ отвѣтъ на весьма важные вопросы — въ чемъ состоитъ идеаль душевнаго здоровья? въ какомъ отношеніи стоитъ геній къ помѣшательству?

Эти вопросы имѣютъ особенное значеніе въ наше время и должны быть выяснены для пониманія личности нашего великаго поэта.

Еще Аристотель подмѣтилъ, что между талантливыми людьми много страдающихъ меланхоліей. Особенное вниманіе на это обстоятельство обратилъ Ревеллье-Парисъ; онъ полагалъ, что нервныя и душевныя болѣзни часто поражаютъ талантливыхъ людей, потому что они переутомляются, потому что ихъ нервная система не выдерживаетъ постояннаго усиленнаго возбужденія. Знаменитый французскій психіатръ Моро, а затѣмъ Ломброзо утверждали, что „геній есть неврозъ“. Книга Ломброзо (*L'uomo di genio*) возбудила всеобщее вниманіе; особенно много для пропаганды этой идеи сдѣлалъ Максъ Нордау. Несомнѣнную заслугу Моро и Ломброзо составляетъ то, что они вѣрно подмѣтили тотъ фактъ, что душевныя и нервныя болѣзни у талантливыхъ людей врожденныя, а не приобрѣтенныя,

что эти заболѣванія не обусловлены усиленными занятіями, душевными волненіями.

Не останавливаясь на изложеніи и разборѣ ученія Ломброзо объ отношеніи генія къ помѣшательству, мы должны согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что многіе талантливые писатели дѣйствительно страдали врожденными нервными и душевными болѣзнями. Такъ какъ наши свѣденія о жизни и дѣятельности великихъ людей вообще мало достовѣрны, то лучше ограничиться біографіями поэтовъ нашего столѣтія. Альфредъ де Мюссе, Эдгардъ Поэ, Боделаръ, Верлэнъ, Гоголь, Писемскій безспорно были психопаты, Флоберъ и Достоевскій эпилептики. Я не упоминаю въ ихъ числѣ Гейне и Мопассана, потому что они оба страдали пріобрѣтенными, а не врожденными болѣзнями центральной нервной системы. По понятнымъ причинамъ я упоминаю только покойныхъ писателей.

И такъ, дѣйствительно, геній имѣетъ какое то родство съ помѣшательствомъ, между геніальными людьми не мало нервно- и душевно- больныхъ, и мы должны выяснитъ, насколько вѣрна теорія Ломброзо относительно нашего геніальнаго поэта, выяснитъ, каково было его душевное здоровье.

Выясненіе этого вопроса однако не исчерпываетъ всей задачи изученія психіатромъ жизни и произведеній Пушкина. Это изученіе приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ психіатру матерьялы для сужденія, чѣмъ отличаются произведенія больныхъ геніевъ отъ твореній идеально здороваго, что характеризуетъ созданія здороваго генія, и главное въ чемъ состоитъ идеальное душевное здоровье.

Изученіе жизни Пушкина убѣждаетъ психіатра въ томъ, что онъ обладалъ полнымъ психическимъ здоровьемъ. Намъ извѣстно, что родители его были люди здоровые, также вполне здоровы были его братъ и сестра. Можно сомнѣваться относительно психическаго здоровья отца его ма-

тери, но, во первыхъ, ничего положительнаго относительно его здоровья намъ неизвѣстно, во вторыхъ, душевная болѣзнь дѣда лишь крайне рѣдко имѣетъ значеніе относительно здоровья внука. Дикія выходки, жестокость, бѣшенная ревность въ доброе старое время могли быть обусловлены дурнымъ воспитаніемъ и безнаказанностью и, къ сожалѣнію, здоровые въ этомъ отношеніи не уступали больнымъ.

Пушкинъ умеръ въ такомъ возрастѣ, что мы имѣемъ полное право утверждать, что врожденныхъ, конституціальныхъ аномалій нервной системы у него не было. Эти аномаліи всегда обнаруживаются въ первой половинѣ нашей жизни. Кто пользовался психическимъ здоровьемъ до 37 лѣтняго возраста, можетъ заболѣть лишь приобрѣтенною душевной болѣзнію.

Пушкинъ обладалъ вполне здоровой нервной системой и только поэтому могъ перенести всѣ тѣ житейскія невзгоды, которыя выпали на его долю. Лица съ неустойчивою нервной системой обыкновенно заболѣваютъ отъ тѣхъ непріятностей, которыя перенесъ нашъ гениальный поэтъ.

Я, какъ психіатръ, удивляюсь, какъ могъ Пушкинъ перенести всѣ постигшія его бѣды.

Во первыхъ, оскорбительный деспотизмъ Бенкендорфа долженъ былъ въ высшей степени вредно дѣйствовать на нервную систему поэта, крайне дорожившаго своей духовной свободой. Уже одинъ деспотизмъ Бенкендорфа могъ бы довести до болѣзни нервнаго, болѣзненнаго человѣка.

Во вторыхъ, постоянныя заботы о деньгахъ, недостатокъ средствъ для удовлетворенія „потребностей“ жены непременно должны были крайне вредно вліять на здоровье Пушкина. Нельзя забывать, что эти заботы мѣшали поэту заниматься любимымъ дѣломъ, нарушали то спокойствіе души, которое такъ необходимо для творчества.

Въ третьихъ, крайне неблагоприятно на здоровье нервной системы должны были вліять постоянныя враждебныя отношенія къ Пушкину значительной части общества. Какъ

врачъ, я вполне могу оцѣнить значеніе этого обстоятельства; если въ разсказахъ о томъ, какъ портили кровь Пушкину „свободы, генія и славы палачи“, хотя десятая доля правды, то и въ такомъ случаѣ нужно удивляться устойчивости нервной системы поэта.

Наконецъ, въ четвертыхъ, Пушкинъ много страдалъ отъ „безпокойствъ семейственныхъ, ревности“. Врачъ не долженъ обвинять кого либо; это не его дѣло; онъ долженъ лишь установить, что у Пушкина были „безпокойства семейственныя“. В. А. Нащокина (Новое Время, № 8343) такъ характеризуетъ Н. Н. Пушкину: „Вѣтеръ, вѣтеръ право, она кака-то казалась мнѣ безчувственная“. Не затрагивая вопроса о томъ, насколько Пушкинъ имѣлъ право ревновать свою жену, врачъ долженъ отмѣтить, что Пушкинъ ужасно страдалъ отъ сомнѣній. Конечно, ревность, даже совершенно неосновательная, чувствованіе вполне нормальное, при томъ-же поведеніе Дантеса было поистинѣ оскорбительно и возбуждало тяжкія сомнѣнія. Я самъ знаю случаи, когда вполне здоровые люди заболѣвали тяжелой неврастеніей вслѣдствіи тяжкихъ мукъ ревности.

Всѣ эти невзгоды не поколебали здоровья Пушкина; правда, онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вздрагивалъ при внезапномъ шумѣ и т. п.; настроеніе духа сдѣлалось дурнымъ. Но вѣдь такое состояніе вполне нормально; несчастія вполне здороваго человѣка лишаютъ аппетита, сна, хорошаго настроенія духа. Пушкинъ даже не заболѣлъ неврастеніей, хотя несчастія, его постигшія, вредно вліяли на его здоровье въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Нужно-ли лучшее доказательство прекраснаго, идеальнаго здоровья? Лишь самые здоровые люди могутъ пережить все то, что пережилъ Пушкинъ; необладающіе идеальнымъ здоровьемъ отъ такихъ невзгодъ заболѣваютъ неврастеніей, помѣшательствомъ, спиваются, стрѣляются. Нашъ великій поэтъ не только не заболѣлъ, но даже творилъ въ послѣдніе годы своей жизни.

Итакъ изученіе жизни Пушкина приводитъ насъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ обладалъ прекраснымъ здоровьемъ, но такое заключеніе не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ вообще не было основанія подозрѣвать, что Пушкинъ имѣлъ патологическую организацію. Такое заключеніе имѣетъ значеніе для правильнаго пониманія произведеній Пушкина, для сравненія ихъ съ произведеніями больныхъ геніевъ.

Я, конечно, понимаю, насколько неодинаковы по достоинству произведенія названныхъ мною выше писателей, а потому эти произведенія не могутъ быть сравниваемы по ихъ достоинствамъ для того, чтобы установить различіе созданій здороваго и больнаго генія. Такъ какъ геніальность можетъ быть соединена съ помѣшательствомъ, то, очевидно, одно достоинство произведеній еще не свидѣтельствуешь о здоровьи ихъ автора, также какъ и ихъ ничтожество.

Произведенія здороваго генія отличаются по существу отъ произведеній больнаго генія; въ чемъ состоитъ это различіе, мы узнаемъ именно при сравненіи произведеній Пушкина съ произведеніями выше названныхъ писателей. Въ произведеніяхъ Пушкина прежде всего поражаетъ благородное стремленіе нашего поэта къ истинѣ, добру и красотѣ, пониманіе истины, добра и красоты.

Несомнѣнно, что душевное здоровье состоитъ именно въ стремленіи къ правдѣ, нравственному и красивому, въ ихъ пониманіи. Только здоровый можетъ любить и понимать истину, добро и красоту; больной, ненормальный психически или не любитъ ни истины, ни добра, ни красоты, или не способенъ понимать ихъ. Нѣкоторые дегенеранты способны къ пониманію истины, но не стремятся къ добру и красотѣ, нѣкоторые напротивъ любятъ красоту, но безучастны къ истинѣ и добру. Психопатъ не можетъ гармонически стремиться къ правдѣ, нравственному и красивому; чаще всего у нихъ нѣтъ любви и пониманія добра.

Конечно, пониманіе истины, добра и красоты далеко не одинаково въ томъ смыслѣ, что болѣе даровитые полнѣе понимаютъ истину, добро и красоту, но и мало одаренные здоровые люди стремятся къ правдѣ, нравственному, красивому и по мѣрѣ возможности осуществляютъ свои стремленія. Внѣшнія обстоятельства затрудняютъ однимъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ; напротивъ, другіе, благодаря хорошему воспитанію, постигаютъ истину, добро и красоту болѣе, чѣмъ люди хорошо одаренные. Но всѣ здоровые люди по мѣрѣ своихъ силъ непремѣнно стремятся къ гармоническому пониманію истины, добра и красоты и въ отличіе отъ больныхъ одинаково поклоняются и истинѣ, и добру, и красотѣ.

Изученіе произведеній Пушкина убѣждаетъ насъ, что именно нашъ великій поэтъ одинаково понималъ и истину, и добро, и красоту. Въ его произведеніяхъ мудрости не менѣе, чѣмъ высшей морали и чистой красоты. Право, трудно сказать, къ чему болѣе стремился Пушкинъ, что болѣе понималъ Пушкинъ — истину, добро или красоту.

Въ его произведеніяхъ содержится столько удивительно вѣрныхъ и глубокихъ сужденій, что, если-бы эти произведенія были написаны дурной прозой, онѣ читались-бы съ большой пользой. Нужно замѣтить, что чѣмъ здоровѣе человѣкъ, то есть, чѣмъ правильнѣе развитъ его мозгъ, тѣмъ разностороннѣе его познанія. Геніальные психопаты именно отличаются тѣмъ, что имъ доступны только нѣкоторые отдѣлы знанія; рядомъ съ поразительно вѣрными и глубокими сужденіями въ ихъ произведеніяхъ встрѣчаются совершенно ложныя, парадоксальныя мысли. Напримѣръ въ произведеніяхъ Ницше великія идеи такъ переплетены съ поразительными парадоксами, что для психіатра несомнѣнна ненормальная организація этого геніальнаго мыслителя.

Пушкинъ обладалъ глубокими познаніями во всѣхъ областяхъ знанія своего времени и всѣ его сужденія о

всѣхъ затронутыхъ имъ вопросахъ поражаютъ своею ясностью и вѣрностью. Конечно, онъ не былъ ученый и потому никакихъ открытій онъ не сообщаетъ, но онъ воспринялъ и самостоятельно переработалъ всю мудрость своего времени. Трудно выяснитъ, какія идеи принадлежатъ самому поэту, что и у кого имъ взято, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Необычайно ясный и широкой умъ Пушкина проявился въ томъ, что онъ всегда умѣлъ отличить истину отъ заблужденія, говорилъ лишь о томъ, что хорошо зналъ, и о всемъ могъ сказать достойное изученія.

Я не могу изложить здѣсь все міровоззрѣніе нашего великаго поэта, не могу изложить всѣхъ его глубоко вѣрныхъ сужденій. Мнѣ приходится ограничиться лишь нѣсколькими примѣрами, чтобы указать какъ разносторонни и вѣрны были идеи поэта.

Даже въ такой спеціальной области знаній, какъ фізіологія, Пушкинъ имѣлъ самыя вѣрныя сужденія. Описавъ въ Полтавѣ нравственныя страданія Кочубея, Пушкинъ послѣ словъ: „Палачъ вошелъ“ ставитъ точки, и затѣмъ прибавляетъ только: „О ночь мученій“. Эти нѣсколько точекъ свидѣтельствуютъ намъ, что Пушкинъ понималъ невозможность описать фізическія страданія; какъ вполне вѣрно говоритъ Goldscheider¹⁾, „боль подавляетъ духъ, прекращаетъ мышленіе, парализуетъ волю“²⁾. Нравственныя страданія, даже самыя ужасныя, поддаются описанію, но описать фізическія страданія не могъ даже Пушкинъ, и онъ это понималъ.

1) Ueber den Schmerz. S. 1.

2) Конечно, я понимаю, что описаніе физическихъ страданій, также какъ и физическихъ наслажденій, не „художественно“; только посредственные писатели пробовали описывать фізическія наслажденія, но именно потому такое описаніе и не художественно, что вѣрно описать фізическія наслажденія и страданія невозможно. Болѣе подробно объ этомъ вопросѣ я высказался въ моихъ работахъ: Боль (Вопросы философіи 1899); Біологическое обоснованіе пессимизма (Нейрологическій Вѣстникъ 1895).

Также поразительно вѣрно Пушкинъ высказался о невмѣняемости душевно-больныхъ. Нужно замѣтить, что въ то время не только практически, но даже теоретически большинству вопросъ о невмѣняемости душевно-больныхъ былъ мало понятенъ. Въ „Русалкѣ“ князь о сумашедшемъ мельникѣ говоритъ: „Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить“.

Въ этихъ строкахъ Пушкинъ высказалъ самое вѣрное опредѣленіе душевной болѣзни и объяснилъ, почему душевно-больные невмѣняемы. Гораздо позже лучшіе французскіе психіатры повторили сказанное Пушкинымъ, а именно знаменитый Baillarger сказалъ: „главный признакъ душевной болѣзни — это потеря воли“ (надъ нимъ всякъ воленъ), а Ball¹⁾ училъ: „душевно-больной — это человѣкъ . . . потерявшій болѣе или менѣе вполне свою нравственную свободу и потому сдѣлавшійся неотвѣтственнымъ передъ обществомъ за свои поступки (Богъ его не судить).“

Для полноты изложенія я долженъ напомнить, что Ключевскій уже указалъ на удивительное проникновеніе въ прошлое Россіи нашего великаго поэта. Пушкинъ понималъ, почему наша армія въ царствованіе Екатерины II такъ побѣдоносно сражалась съ врагами; онъ оцѣнилъ скромнаго дѣятеля — Гринева, преданнаго долгу, добраго, честнаго офицера. Успѣхъ войскъ Екатерины II былъ непонятенъ даже хорошо-образованному специалисту — принцу де-Линь²⁾, который не могъ понять Гриневыхъ; благодаря Пушкину, мы знаемъ, кому обязана своей славой Россія.

Теперь, конечно, намъ вполне ясно, что Пушкинъ совершенно правильно понималъ современное ему состояніе Россіи; къ сожалѣнію, даже государственные люди долго не могли такъ ясно, такъ опредѣленно, какъ Пушкинъ, понять, что нужно Россіи, въ чемъ кроется причина ея не-

1) Ball. Leçons sur les maladies mentales.

2) Русская Старина. Т. 73.

устройство. Само собою разумѣется, что и до Пушкина были благородные патріоты, желавшіе разумныхъ улучшеній, понимавшіе что, намъ нужно. Нужно удивляться политическому генію поэта, совершенно точно резюмировавшему программу реформъ на много десятилѣтій впередъ. Пушкинъ не былъ политической мечтатель, желавшій несбыточнаго, неосуществимаго; напротивъ, онъ ясно формулировалъ лишь исполнимое; лишь немногіе государственные люди могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ нашимъ поэтомъ.

Пушкинъ въ четырехъ строкахъ опредѣлилъ, что нужно для счастья Россіи:

Увижу-ли друзья, народъ неугнетенный
И рабство павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря!

Теперь это намъ кажется такимъ яснымъ и простымъ, а между тѣмъ сколько времени и труда понадобилось и еще понадобится для осуществленія благородныхъ пожеланій Пушкина!

Даже въ чисто-политическихъ вопросахъ Пушкинъ обнаружилъ не только вѣрное пониманіе, но даже прозрѣніе будущаго и, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣденіямъ, понадобилось не менѣе тридцати лѣтъ для того, чтобы всѣ поняли русско-польскія отношенія, такъ какъ понималъ ихъ Пушкинъ, въ 1831 г. сказавшій:

Оставьте; это споръ славянъ между собою
Славянскіе-ли ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ? Вотъ вопросъ.

Едва-ли нужны еще доказательства всесторонняго, яснаго ума нашего поэта; если мы сравнимъ его широкое и глубокое пониманіе общественной жизни съ тѣмъ, что по этому вопросу было высказано вышеназванными писателями,

намъ будетъ ясно, въ чемъ состоитъ разница между умственнымъ развитіемъ здороваго и больнаго генія. Въ произведеніяхъ Достоевскаго не мало глубокихъ и вѣрныхъ мыслей о настоящемъ положеніи Россіи, но не мало идей напр. объ отношеніи церкви и государства, крайне парадоксальныхъ. Боделэръ и Верлэнъ даже не интересовались дѣлами своей родины; взгляды Гоголя были по достоинству оцѣнены Бѣлинскимъ; односторонность Писемскаго не подлежитъ сомнѣнію.

Больной геній, напр. Достоевскій, можетъ достигнуть самаго совершеннаго пониманія нѣкоторыхъ вопросовъ, но не можетъ выработать такого всесторонняго и глубокаго міросозерцанія, какъ Пушкинъ. Большіе пробѣлы и крайне парадоксальныя идеи — неизбежныя послѣдствія патологической организаціи.

Несомнѣнно, что психопаты могутъ достигать самыхъ высокихъ вершинъ умственнаго развитія, могутъ обладать геніальными умственными способностями, самыми глубокими свѣденіями въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія; поэтому совершенство умственной дѣятельности еще не доказываетъ психическаго здоровья. Психопаты всегда отличаются нравственными дефектами; никогда ихъ нравственное развитіе не достигаетъ идеальнаго совершенства. Поэтому самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ идеальнаго душевнаго здоровья Пушкина должно служить высокое нравственное значеніе его произведеній.

Не только произведенія нашего великаго поэта, но и его жизнь убѣдительно доказываютъ намъ, что онъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ. Несомнѣнно, что нѣкоторые великіе люди своею безнравственною жизнію, своими пороками выдѣлялись изъ окружающей среды. Прочитавъ біографію Альфреда де Мюссе, Верлэна, Боделэра, психіатръ не усумнится въ томъ, что эти лица были больные. Талантливые, а тѣмъ болѣе геніальные люди должны и въ нравственномъ отношеніи быть выше окружающей

среды и только патологической организаціей можно объяснить безнравственность нѣкоторыхъ великихъ поэтовъ.

Жизнь Пушкина убѣждаетъ насъ, что въ нравственномъ отношеніи онъ стоялъ неизмѣримо выше окружающей среды. Его доброта и честность общеизвѣстны; онъ умѣлъ любить. Особенно поразительно нравственное величіе Пушкина проявилось въ его отношеніи къ женѣ; мало людей, способныхъ такъ горячо, такъ беззавѣтно любить, какъ любилъ Пушкинъ свою жену. Хотя онъ имѣлъ не мало основаній ревновать свою жену, онъ, умирая въ ужасныхъ мукахъ, относился крайне нѣжно къ женѣ, хотя она въ значительной степени была виновата въ смерти поэта; только великія чистыя души могутъ любить такъ горячо и потому все прощать.

Какъ врачъ, я не могу упрекнуть Пушкина за его ревность: это естественное, вполне нормальное чувство; люди, лишенные этого чувства, или никогда не любили, или изломаны воспитаніемъ. Не могу не замѣтить, что я наблюдалъ нѣсколько психопатовъ, совершенно безучастно относившихся къ прямо неприличному поведенію ихъ женъ.

Въ одномъ лишь можно упрекнуть Пушкина, это въ любовныхъ шалостяхъ; онъ не былъ пуританинъ, но „слабости и пороки неизбежныя спутники человѣка“, вполне вѣрно сказалъ Пушкинъ. Этотъ недостатокъ нашего великаго поэта съ лихвою искупался его рѣдкою, благородною любовью къ свободѣ. Если принять во вниманіе ту среду, въ которой выросъ и вращался Пушкинъ, становится непонятнымъ, какъ онъ могъ сохранить священную любовь къ свободѣ. Именно эта любовь къ свободѣ доказываетъ намъ, какъ богата была натура Пушкина; не мало ему пришлось пострадать за то, что въ нравственномъ отношеніи онъ былъ неизмѣримо выше среды. Онъ всю жизнь, не смотря на всѣ невзгоды, его постигшія, оставался гражданиномъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Если-бы онъ хотѣлъ или, правильнѣе говоря, могъ подслуживаться, онъ

достигъ-бы всего того, чего добиваются обыкновенные способности аристократы. Что стоило ему поддерживать хорошія отношенія съ Воронцовымъ и Бенкендорфомъ ; при томъ благоволеніи, какое ему оказывалъ Императоръ Николай I, ему было такъ легко составить себѣ карьеру, но даже безумная любовь къ женѣ не могла заглушить того священнаго огня, который украшалъ высоконравственную натуру нашего поэта.

Произведенія поэта, конечно, имѣютъ гораздо болѣе значенія для оцѣнки его нравственной личности, чѣмъ его жизнь. Какъ ни высокъ былъ въ нравственномъ отношеніи Пушкинъ, но его произведенія еще болѣе возвышенны, еще болѣе нравственны. Онъ былъ не только великій поэтъ и крупный мыслитель, но пророкъ въ истинномъ значеніи этого слова. Если не считать нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній, не дѣлающихъ чести поэту, его произведенія высоко нравственная книга.

Самъ Пушкинъ цѣнилъ выше всего въ своихъ произведеніяхъ ихъ нравственное значеніе; онъ гордился не мудростью, не красотой своихъ произведеній: онъ ясно сознавалъ, что добро для людей имѣетъ больше значенія, чѣмъ красота и даже истина. Самымъ важнымъ, дающимъ право на безсмертіе въ своей дѣятельности, Пушкинъ считалъ стремленіе къ добру; онъ говоритъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.

Чтобы вполне оцѣнить, какъ вѣрно, какъ глубоко Пушкинъ понималъ нравственную дѣятельность, напомнимъ, что еще недавно въ Московскомъ философскомъ обществѣ обсуждался вопросъ о задачахъ нравственной дѣятельности. Одни утверждали, что нравственная дѣятельность должна состоять въ общественномъ служеніи, въ дѣятельности на пользу

общества, другіе думали, что нравственная дѣятельность состоитъ въ личномъ самоусовершенствованіи. Пушкинъ исполнѣ ясно и убѣдительно доказалъ намъ въ своихъ произведеніяхъ, что нравственная дѣятельность именно состоитъ и въ общественномъ служеніи, и въ личномъ самоусовершенствованіи. Онъ такъ ясно, такъ рельефно указалъ на высокое значеніе работы на пользу общую, на великое значеніе личнаго усовершенствованія, что нужно только сожалѣть о нашемъ маломъ знакомствѣ съ произведеніями нашего великаго учителя.

Въ эпилогѣ Полтавы Пушкинъ ясиѣ, чѣмъ кто либо выяснилъ все величіе работы на пользу родины:

Прошло сто лѣтъ и чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

.
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Пушкинъ потому поклонялся Петру Великому, что этотъ Царь „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Пушкинъ высоко цѣнилъ общественную дѣятельность и трудъ на пользу народа: онъ благоговѣлъ передъ Петромъ именно потому, что это былъ Царь-работникъ.

Конечно, Ницше и декаденты иначе понимаютъ обязанности человѣка и не могутъ понять всѣ задачи нравственной дѣятельности. Своею главною заслугой Пушкинъ считаетъ то, что пробуждалъ добрыя чувства, возславилъ свободу и призывалъ состраданіе. Своимъ примѣромъ онъ побуждалъ всѣхъ по мѣрѣ своихъ силъ любить свободу, быть сострадательными и добрыми; только исполненіе этихъ обязанностей гражданина даетъ право, по убѣжденію Пушкина, на уваженіе. Безсмертіе, училъ насъ Пушкинъ, вотъ награда „вѣчнымъ работникамъ“, людямъ, любящимъ свободу, добрымъ и сострадательнымъ.

Насколько Пушкинъ былъ великъ въ нравственномъ отношеніи, можно судить по тому, что, когда ему было только двадцать лѣтъ, онъ уже ясно понималъ главную причину тяжелаго положенія народа, всею душою сочувствовалъ страданіямъ народа. Въ 1819 имъ написаны строки, истинное значеніе которыхъ оцѣнено лишь въ послѣдніе годы:

Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Только необычайной нравственной чуткостью можно объяснить такую удивительную прозорливость поэта; если-бы мысль, высказанная Пушкинымъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ наше время для всѣхъ была вполнѣ понятна, у насъ не было-бы безграмотности. Такого удивительнаго пониманія значенія образованія, такой возвышенной печали, мы не найдемъ ни у одного изъ выше-названныхъ писателей.

Какъ высоко-нравственный человѣкъ, какъ истинный гражданинъ, Пушкинъ глубоко презиралъ рабовъ по натурѣ, то-есть людей, не любящихъ свободы:

Къ чему стадамъ дары свободы.

Меня всегда удивляло, почему Пушкина порицали за его стихотвореніе — „Чернь“. Пушкинъ, какъ и всѣ моралисты сожалѣлъ, что для „черни“ земныя блага выше духовныхъ, упрекалъ чернь за ея равнодушіе къ высшимъ духовнымъ благамъ и предпочтеніе грубыхъ физическихъ наслажденій. Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ высказалъ великую мысль о различіи между чернью и избранными натурами, между Марфой и Маріей. Чернь всегда и всюду выше всего цѣнила печной горшокъ; лучшія, избранныя натуры стремились къ духовнымъ наслажденіямъ¹⁾. Объ-

1) Я имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости словъ Пушкина въ Ватиканскомъ Музеѣ въ 1888 г. Я сидѣлъ именно передъ Аполлономъ Бельвердерскимъ; на ту же скамейку сѣли два господина и продолжали бранить по русски кухню той гостинницы, въ которой они сегодня завтракали. Меня такъ это поразило, что я заговорилъ съ ними; одинъ изъ

занность всякаго педагога, всякаго учителя развивать въ людяхъ стремленіе къ духовнымъ благамъ, потому что, какъ вѣрно говоритъ Wundt ¹⁾: Die geistigen Güter sind Güter um ihrer selbst willen. Можно лишь сожалѣть о художникахъ слова, увлекающихъ читателей великолѣпнымъ описаніемъ физическихъ наслажденій, убѣждающихъ читателей въ ничтожествѣ духовныхъ наслажденій. Какъ въ стихотвореніи „Чернь“, такъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ поклонялся передъ истиной, добромъ и красотой, училъ насъ любить идеалы, любить свободу, любить людей, ненавидѣть рабство, презирать плотскія, животныя наслажденія.

Чтобы закончить указанія на возвышенность морали въ произведеніяхъ Пушкина, упомяну, что нашъ великій поэтъ весьма ясно объяснилъ, въ чемъ должно состоять нравственное самоусовершенствованіе, что составляетъ суть личной нравственности.

Обаятельность Татьяны, этой лучшей русской героини, зависитъ отъ того, что она высоко поняла значеніе долга, была надѣлена живымъ чувствомъ долга:

Я васъ люблю — къ чему лукавить?

Но я другому отдана

И буду вѣкъ ему вѣрна.

Татьяна сердцемъ постигла нравственность въ ея высшемъ развитіи, нравственность долга.

Я уже объяснялъ въ моей работѣ „Нравственность душевно-больныхъ“ значеніе нравственности долга, доказалъ, что нравственность долга есть высшее проявленіе нашей души. Поэтому здѣсь я не буду останавливаться на объясненіи этого психологическаго явленія.

нихъ былъ членъ суда, другой помѣщикъ; жили они въ той же гостиницѣ, въ которой жилъ и я, и насъ кормили не дурно. Они, повидимому, поняли неумѣстность этого разговора и потомъ меня избѣгали.

1) System der Philosophie. 641.

2) Вопросы философіи. 1891.

Безспорно, что Татьяна самая нравственная героиня въ нашей художественной литературѣ, столь богатой женскими типами большой духовной красоты; Татьяна нравственнѣе Лизы (Дворянское гнѣздо), потому что послѣдняя руководилась навѣяннѣмъ ей нянею религіознымъ чувствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ Татьяна самое совершенное созданіе Пушкина, наиболѣе для него дорогое; высоко-нравственный поэтъ наиболѣе трудился, наиболѣе любилъ этотъ образъ, именно потому что онъ могъ любить только нравственно-прекрасную Татьяну. Никто такъ не плѣнялъ Пушкина, никто такъ не приковывалъ воображеніе поэта, какъ чистые, нравственные образы Татьяны и Маши Мироновой. Эти два типа, дѣйствительно, должны очаровывать всякаго нравственно-чуткаго человѣка; нельзя сомнѣваться въ томъ, что поэтъ, создавшій эти образы, былъ человѣкъ высоко-нравственный, глубоко понимавшій нравственныя требованія, горячо любившій нравственно-прекрасное. Только Пушкинъ далъ намъ одни положительные типы — онъ понималъ и любилъ нравственно-прекрасные образы.

Пушкинъ яснѣе другихъ великихъ поэтовъ чувствовалъ и понималъ, что истинно-прекрасное не можетъ быть безнравственнымъ, и потому онъ симпатизировалъ только нравственнымъ героямъ и героинямъ. Даже Братья-разбойники могутъ возбуждать симпатіи строгаго моралиста, потому что страданія искупаютъ преступленія.

Пушкинъ писалъ и циничныя, достойныя порицанія стихотворенія, но это были худшія его произведенія; онъ не могъ съ любовью обрабатывать такія темы и, конечно, было бы лучше, если-бы онъ не написалъ этихъ стихотвореній, но „слабости и пороки неизбѣжные спутники человѣка“.

Если мы сравнимъ отношеніе Пушкина и Верлэна къ циничнымъ темамъ, то вполнѣ поймемъ громадную разницу между „слабостью“ здороваго генія и упоеніемъ цинизмомъ больного поэта. Наконецъ, эти стихотворенія Пушкина составляютъ ничтожную часть его высоко-нравственной натуры.

Мнѣ нѣтъ надобности указывать на красоту произведеній нашего великаго поэта; никто не сомнѣвался въ художественной гениальности Пушкина. Чисто-художественный гений можетъ быть больнымъ человѣкомъ и поэтому эстетическія достоинства произведеній не могутъ служить доказательствомъ психическаго здоровья ихъ автора. Гоголь и Верлэнъ были душевно-больные, но ихъ произведенія верхъ совершенства въ художественномъ отношеніи. Только поразительное безвкусіе беллетриста можетъ возбуждать сомнѣніе относительно его психическаго здоровья, и я могу объяснить недостатокъ вкуса у самаго крупнаго нашего реалиста — Писемскаго — именно его патологической организаціей.

Пушкинъ былъ величайшій русскій художникъ слова; это общепризнано, и я ограничусь тѣмъ, что приведу выводы мало извѣстной, но интересной работы Дг. Воробьева¹⁾ „Къ физиологіи рѣчи“. Дг. Воробьевъ подсчиталъ число гласныхъ и согласныхъ въ произведеніяхъ нашихъ первоклассныхъ писателей; при этомъ оказалось, что у Пушкина, Лермонтова, Тургенева гласныя составляютъ 39%, у Гоголя 38%, у Толстого 41%. Изслѣдованія многихъ отрывковъ изъ этихъ авторовъ, кромѣ Толстого, даютъ одинъ и тотъ-же результатъ. У Толстого - же, равно какъ и у другихъ авторовъ, хотя и крупныхъ, но небрежныхъ въ стилѣ, какъ напримѣръ у Достоевскаго, получаются довольно рѣзкія колебанія: общее число гласныхъ въ разныхъ отрывкахъ такихъ авторовъ колеблется отъ 36% до 42%. Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина строгая пропорціональность между гласными и согласными достигаетъ удивительной точности: опредѣляя число гласныхъ въ 39%, у этого автора почти не приходится отбрасывать или прибавлять для полученія круглой цифры, т. е. всякій разъ получается 38,95 — 39,10 — цифры очень близкія къ круглой цифрѣ 39,0%.

1) Нейрологическій Вѣстникъ 1895.

Всѣ эти общеизвѣстныя доказательства выдающагося ума, высокой нравственности и великаго художественнаго вкуса Пушкина, я привелъ здѣсь или, лучше сказать, повторилъ еще разъ для того, чтобы отгнѣнить глубокое различіе между нашимъ великимъ поэтомъ и выше перечисленными больными художниками. Только вполне здоровый геній можетъ быть такъ всестороненъ, можетъ такъ гармонически понимать истину, добро и красоту, какъ понималъ Пушкинъ.

Альфредъ де Мюссе, Эдгардъ Поэ, Боделэръ, Верлэнъ, Флоберъ, Гоголь были поразительно безучастны къ общественнымъ вопросамъ, совершенно не интересовались многими, очень многими вопросами. Гоголь положительно не могъ заниматься научно, не любилъ науки и безъ особеннаго сожалѣнія покинулъ кафедру, занимать которую оказался неспособнымъ. Едва-ли нужно прибавлять, что нормальный, среднихъ умственныхъ способностей человѣкъ можетъ быть посредственнымъ профессоромъ. Достоевскій отличался оригинальностью и односторонностью своихъ взглядовъ, а Писемскій не могъ понять шестидесятыхъ годовъ.

Жизнь Альфреда де Мюссе, Эдгарда Поэ, Боделэра, и Верлэна доказываютъ, что въ нравственномъ отношеніи они были ниже средняго уровня. Въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ писателей, кромѣ эпилептиковъ Флобера и Достоевскаго, мы не находимъ глубины и широты пониманія нравственной жизни; всѣ они были или безучастны къ наиболѣе вопіющимъ общественнымъ преступленіямъ, или же понимали пороки своего времени поверхностно, какъ Писемскій. Боделэръ и Верлэнъ, даже гордились тѣмъ, что понимаютъ только красивое; добродѣтель, по ихъ мнѣнію, обязательна только для толпы, буржуа.

Поразительно безучастіе Гоголя къ тяжкимъ страданіямъ угнетеннаго крѣпостнымъ правомъ народа; никакихъ нравственныхъ идеаловъ онъ намъ не завѣщалъ. Наиболѣе симпатичны ему помѣщики, хорошо занимающіеся въ своихъ

имѣніяхъ. Онъ даже рѣшается смѣяться надъ бѣднымъ Петрушкой Чичикова за то, что онъ былъ лишенъ естественнаго права человѣка — умѣть читать. Этотъ любознательный лакей безспорно заслуживалъ лучшей участи и возбуждаетъ живое состраданіе. Dumont¹⁾ вполне правильно объясняетъ непонятную Гоголю любознательность Петрушки. Высокія художественныя красоты произведеній Гоголя настолько очаровываютъ насъ, что мы мало обращаемъ вниманіе на непониманіе этимъ гениальнымъ художникомъ самыхъ вопіющихъ нарушеній нравственныхъ законовъ, на отсутствіе сочувствія къ нравственно-великому, на отсутствіе негодованія къ грубо-безнравственному.

Достоевскій и Флоберъ, какъ эпилептики, особенно увлекались всѣмъ мистическимъ и мало, конечно, по отношенію къ ихъ великому уму, понимали дѣйствительность. Несмотря на то, что Флоберъ по убѣжденіямъ былъ реалистъ и выше всего ставилъ реальный романъ, онъ, какъ эпилептикъ, увлекся мистическими темами. Эпилепсія Флобера объясняетъ намъ, почему авторъ „Мадамъ Бовари“, чистый атеистъ, съ наибольшею любовью писалъ „Легенду о Св. Юліанѣ“, „Иродіаду“.

Въ своихъ произведеніяхъ Писемскій, человѣкъ очень умный и очень хорошій наблюдатель, проявляетъ достойное вниманія равнодушіе передъ идеальнымъ, нравственно-прекраснымъ. Онъ порицаетъ взяточничество, самоуправство, праздность, но онъ не учитель нравственности.

Я уже указалъ на недостатки художественности въ его произведеніяхъ; особенно слабы въ этомъ отношеніи произведенія, написанныя имъ въ старости, когда его болѣзнь достигла значительной степени.

Однимъ словомъ ни у одного изъ названныхъ писателей мы не находимъ того гармоническаго развитія ума, нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій, какъ у Пуш-

1) Théorie scientifique de la sensibilité. 1881. p. 162.

кина. Если мы даже и согласимся, что Альфредъ де Мюссе и Верлэнъ по красотѣ своихъ стиховъ, Гоголь по яркости описаній и характеристикъ, Достоевскій по возвышенности оригинальности и глубинѣ нѣкоторыхъ идей и образовъ фантазіи равны и даже превосходятъ Пушкина, все таки нашъ великій поэтъ по существу отличается отъ названныхъ гениевъ именно тѣмъ, что въ его произведеніяхъ истина, добро и красота одинаково заслуживаютъ почитанія. Только идеально здоровый гений могъ постигать и осуществлять и истину, и добро, и красоту, потому что здоровье именно состоитъ въ гармоническомъ развитіи ума, нравственныхъ и эстетическихъ чувствованій.

Къ несчастію человѣчества, гении рѣдко бываютъ надѣлены идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ и потому жизнь нѣкоторыхъ гениевъ безнравственна, а произведенія односторонни; въ самомъ дѣлѣ, развѣ не слѣдуетъ глубоко сожалѣть, что Верлэнъ и Гоголь понимали только красоту?

Пушкинъ былъ поэтъ и потому творилъ только въ области красоты, онъ не сдѣлалъ научныхъ открытій, не создалъ новой нравственной системы, но вѣдь гениальность не можетъ быть всесторонняя; богатая, гармонически развитая натура Пушкина, а не его гениальность, служить намъ доказательствомъ его полного психическаго здоровья. Что такое гений — мы не понимаемъ, и по моему убѣжденію, понимать не можемъ.

Изученіе произведеній Пушкина даетъ намъ возможность установить другой основной признакъ идеальнаго душевнаго здоровья.

Wundt¹⁾ говоритъ: „развитіе каждаго индивидуума представляетъ ясный примѣръ могучаго нарастанія душевной энергіи“. Тѣмъ болѣе такое нарастаніе энергіи замѣтно у людей талантливыхъ, гениальныхъ; ихъ произведенія доступны всѣмъ и потому всѣ могутъ убѣждаться

1) Logik, Bd. II, S. 508.

въ нарастаніи душевной энергіи, т. е. въ постепенномъ развитіи таланта, въ усовершенствованіи произведеній.

Если въ дѣятельности таланта наступаютъ продолжительные перерывы, если за хорошими произведеніями слѣдуютъ сравнительно слабыя, мы должны предполагать или внѣшнія неблагопріятныя для развитія таланта условія, или внутреннія, то-есть болѣзнь, причемъ нужно имѣть ввиду, что внѣшнія неблагопріятныя условія оказываютъ больше воздѣйствія на болѣзненныхъ, чѣмъ на здоровыя натуры. Къ сожалѣнію, болѣзнь рано, очень рано воздѣйствовала на Гоголя и вмѣсто великихъ художественныхъ твореній онъ сталъ писать прямо вредныя письма. Флоберъ написалъ мало и рѣзко перемѣнилъ темы своихъ произведеній. У Альфреда де Мюссе между весьма слабыми для его генія произведеніями вдругъ, случайно наступали моменты, когда онъ творилъ стихотворенія чудной красоты. Въ творествѣ Эдгарда Поэ, Боделэра и Верлена мы не видимъ послѣдовательнаго развитія и послѣдующія произведенія этихъ больныхъ геніевъ не отличаются по существу отъ раннихъ. Послѣдовательное развитіе и нарастаніе духовной энергіи представляютъ произведенія Достоевскаго, что, по всей вѣроятности, зависѣло отъ того, что его болѣзнь протекала сравнительно благопріятно и не прогрессировала.

Поэтическое дарованіе у Пушкина проявилось очень рано, но первыя его произведенія, какъ то и должно быть при нормальномъ нарастаніи душевной энергіи, крайне слабы по сравненію съ послѣдующими. Это именно юношескія попытки геніальнаго поэта; только восемнадцатилѣтній поэтъ приступаетъ къ созданію истинно-поэтическаго произведенія „Русланъ и Людмила“. Достигнувъ совершеннолѣтія, Пушкинъ создаетъ уже чудныя стихотворенія и начинаетъ „Евгенія Онѣгина“. Полны иразцвѣтъ физическихъ и духовныхъ силъ наступилъ тогда, когда онъ творилъ „Бориса Годунова“; именно въ 25—27 лѣтъ нормальный человѣкъ переживаетъ годы полного разцвѣта своихъ силъ.

Затѣмъ поэтъ работаетъ болѣе или менѣе продуктивно въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Всего болѣе онъ творилъ въ 1830 въ Болдинѣ; этому творчеству способствовало то спокойствіе, какимъ онъ пользовался въ деревнѣ и приподнятое настроеніе духа, обусловленное влюбленностью въ невѣсту. Но и въ тяжелые для него годы онъ не переставалъ работать съ достойной подражанія настойчивостью. Интересы его постоянно расширялись, постоянно онъ занятъ былъ новыми темами, искалъ и новаго содержанія и новыхъ формъ для своего творчества. При этомъ никакихъ скачковъ, перерывовъ, рѣзкаго упадка и подъема въ его дѣятельности не замѣчается.

Всякій образованный человѣкъ можетъ прослѣдить могучее наростаніе духовной энергіи, прочитавъ прозаическія произведенія Пушкина въ томъ порядкѣ, какъ онѣ были созданы. Въ 1827 написано незаконченное, сравнительно слабое произведеніе „Арапъ Петра Великаго“. Неудача первой попытки не ослабила его энергіи; черезъ три года онъ создалъ „Повѣсти Бѣлкина“ и „Исторію села Горохина“. Конечно эти произведенія выше „Арапа Петра Великаго“. Въ 1832 написанъ „Дубровскій“ — романъ съ крупными достоинствами; я не берусь рѣшать, что лучше, „Дубровскій“ или „Пиковая Дама“ (1834), но всѣ согласны, что „Египетскія ночи“, написанныя въ 1835, одно изъ лучшихъ произведеній Пушкина. Только въ 1836 году онъ даетъ свое величайшее произведеніе, написанное прозою — „Капитанскую дочь“.

Вотъ какъ нарастаетъ душевная энергія, какъ развиваются геніальныя способности.

„Капитанская дочь“ — это неоспоримое доказательство идеальнаго душевнаго здоровья Пушкина, рѣдкой, завидной устойчивости нервной системы Пушкина. Если мы припомнимъ тѣ невзгоды, которыя переживалъ Пушкинъ, когда творилъ это произведеніе, проникнутое живою симпатіей къ чистой любви и беззавѣтной преданности долгу, мы должны будемъ

изумляться желѣзному здоровью Пушкина, должны будемъ благодарить Провидѣніе, надѣлившее нашего поэта рѣдкою по устойчивости нервной системой, и скорбѣть о тѣхъ условіяхъ, которыя свели его въ могилу. Въ этомъ чудномъ произведеніи Пушкинъ проявилъ необычайное умѣнье всецѣло отдаваться сюжету; въ немъ не видно даже намековъ на тѣ душевныя страданія, которыя въ то время переживалъ Пушкинъ.

Стихотворенія, написанныя въ 1836 году, также свидѣтельствуютъ, что поэтъ достигъ высшаго совершенства, что нарастаніе духовной энергіи шло непрерывно.

Пушкинъ умеръ очень рано для того, чтобы можно было дѣлать съ увѣренностью предсказанія о его дальнѣйшей дѣятельности: всего вѣроятнѣе, что нарастаніе его духовной энергіи плодотворно повліяло-бы на духовное развитіе Россіи. Можетъ быть, неблагоприятныя внѣшнія условія надорвали-бы его силы, но то, что онъ совершилъ, неоспоримо доказываетъ, что онъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, и потому вся его дѣятельность представляетъ непрерывное нарастаніе духовной энергіи.

Постоянное усовершенствованіе путемъ усерднаго труда — таково нормальное развитіе, а именно такое развитіе врожденнаго генія представляютъ произведенія Пушкина. Конечно, и между позднѣйшими произведеніями поэта встрѣчаются сравнительно слабыя, но несомнѣнно, что съ годами Пушкинъ совершенствовался и развивался во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря на крайне неблагоприятныя для его дѣятельности условія.

Итакъ, безспорно, Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, и его жизнь, и его пониманіе истины добра и красоты, и нарастаніе его духовной энергіи убѣдительно это доказываютъ.

Такимъ образомъ нашъ великій поэтъ можетъ служить примѣромъ идеальнаго душевнаго здоровья; изученіе его жизни и произведеній даетъ намъ весьма поучительный

матерьяль для сужденія, въ чемъ состоитъ идеальное душевное здоровье. Такая крупная личность, какъ Пушкинъ, представляетъ весьма яркіе и очевидные признаки идеальнаго душевнаго здоровья; мы можемъ сравнивать произведенія Пушкина съ произведеніями другихъ писателей для того, чтобы уяснить себѣ, здоровымъ или больнымъ человекомъ написаны эти произведенія.

Тотъ несомнѣнный фактъ, что Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ, окончательно опровергаетъ теорію о родствѣ или близости между гениемъ и помѣшательствомъ, хотя несомнѣнно нѣкоторые гении были люди больные.

Намъ совершенно непонятенъ гений, и я думаю, что мы и не можемъ понять гениальности. Мы можемъ только сожалѣть, что нѣкоторые гении обладали патологическою организаціею и благодарить Провидѣніе, давшее Пушкину идеальное душевное здоровье.

Слово,

произнесенное въ университетской церкви

Профессоромъ богословія Протоіереемъ А. Царевскимъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Нынѣ вся грамотная и просвѣщенная Россія празднуетъ память величайшаго поэта своего, раба Божія Александра. Его значеніе, его великія заслуги для насъ, безъ сомнѣнія, составляютъ предметъ тѣхъ рѣчей, которыя будутъ произнесены въ нарочито устраиваемыхъ для этого торжественныхъ собраніяхъ. Но и Церковь не остается безучастною къ настоящему торжеству, но, такъ сказать, предваряетъ его, благословляя его своею молитвою. И съ церковной кафедры позволительно сказать, что творенія великаго нашего поэта служатъ украшеніемъ русской литературы, славою русскаго имени. По мнѣнію одного изъ достойныхъ нашихъ писателей, въ твореніяхъ этихъ выразилась вся полнота русскаго народнаго духа. По нимъ воспитывались мы, воспитываются наши дѣти и будутъ воспитываться дѣти нашихъ дѣтей. Благодаря имъ, имя русскаго народа въ области словеснаго творчества стоитъ не ниже именъ другихъ просвѣщенныхъ народовъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ поэтическое вдохновеніе въ средѣ народа еврейскаго всегда разсматривалось, какъ признакъ особой близости народа къ Богу, и, наоборотъ, оскудѣніе этого вдохновенія указывало на оставленіе народа Богомъ, на нравственный упадокъ народа. Подобно этому и на поэти-

ческое вдохновеніе нашего поэта должно смотрѣть, какъ на залогъ особаго благословенія Божія народу русскому. Воздадимъ же ему благомъ молитвы за тѣ духовныя блага, которыя онъ оставилъ намъ въ своихъ твореніяхъ.

Но не по сознанію только заслугъ нашего поэта мы должны молиться о немъ, но и по чувству христіанской любви ко нему. Какъ и всякій человѣкъ, поэтъ нашъ предавался въ своей жизни многимъ грѣховнымъ увлеченіямъ и паденіямъ, за которыя онъ долженъ отдать отчетъ на судѣ Божіемъ тѣмъ болѣе строгій, чѣмъ съ бѣльшею охотою онъ предавался имъ, чѣмъ бѣльшимъ соблазномъ онъ послужилъ для другихъ. Но мы уповаемъ, что правосудіе Божіе въ отношеніи его будетъ срастворено милосердіемъ Божіимъ, ибо онъ умеръ съ искреннимъ раскаяніемъ во грѣхахъ своихъ, какъ истинный христіанинъ. „Хочу умереть христіаниномъ; прощаю всѣхъ“, говорилъ онъ въ предсмертныя свои минуты. Въ другой разъ онъ писалъ о себѣ:

Я содрагаюсь, сердцу больно,
 Мнѣ стыдно и доловъ моихъ.
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?
 Ахъ, лира, лира, зачѣмъ мое безумство разгласила?
 Ты, Лета, зачѣмъ не поглотила
 Мои безумныя мечты?

Слова эти могли выйти только изъ сердца смиреннаго и сокрушеннаго, которое Господь не уничижитъ (Пс. 50, 19). Да учинитъ же его Господь, по его покаянію и по молитвамъ Церкви о немъ, въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ значнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюдуже отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе и идѣже пребываютъ радость и веселіе вѣчныя.

Къ сказанному позволю присовокупить еще одно. Одинъ изъ близкихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, все же худшее — лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его. И дѣйствительно въ обществѣ, окружавшемъ поэта, мы видимъ злобу, взаимное недоброжелательство, лицемеріе, легкомысленное отношеніе къ нравственности, отчужденіе отъ спасительныхъ установленій Церкви. Самое воспитаніе поэта, по его собственнымъ словамъ, было слишкомъ поверхностнымъ и лишено было благотворныхъ началъ народности и благочестія. Что же удивительнаго, если печальные слѣды всего этого отразились и на жизни нашего поэта, а совокупность всего этого привела его къ трагической кончинѣ, отнявшей отъ насъ поэта въ самомъ расцвѣтѣ его поэтическаго генія. Поэтому къ молитвѣ объ упокоеніи души его вполне умѣстно также присовокупить нынѣ и молитву о нашемъ собственномъ исправленіи. Да не будетъ всего этого между нами. Да не будетъ между нами злобы и взаимнаго недоброжелательства. Да не будетъ между нами людей лицемерныхъ, добро именующихъ зломъ и зло добромъ, истину ложью и ложь истиною, въ очахъ другихъ усматривающихъ сучцы, а у себя не замѣчающихъ бревна. Да не будетъ между нами людей, легкомысленно относящихся къ вѣковѣчнымъ устоямъ нравственности, чуждающихся Церкви и ея спасительныхъ установленій. Если мы дадимъ себѣ подобное обѣщаніе, то, уповаемъ, бессмертный духъ поэта съ отрадою и утѣшеніемъ будетъ внимать настоящему собранію въ память его и настоящей нашей молитвѣ за него. Аминь.

-26 мая 1899 г.

Пушкинъ и музыка.

Рѣчь, произнесенная проф. Б. И. Срезневскимъ на торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго Университета 26-го мая 1899 года.

Есть міръ безсмертія. За гранями земного
Есть царство свѣтлое чистѣйшей красоты.
Оттуда къ намъ идутъ живая мысль и слово,
Живой поэзіи волшебные цвѣты.

Изъ царства этого, прекраснаго, святаго
Бралъ звуки Моцартъ, образы Канова
И краски дивныя изящный Рафаэль.
Тотъ міръ — гармоніи и правды колыбель.

Оттуда къ намъ пришелъ великій нашъ учитель...

(Г. Л. Щепкина-Куперникъ.)

Эти стихи, произносимые сегодня на торжествѣ въ Святыхъ Горахъ юною послѣдовательницею великаго поэта, поставлю я эпиграфомъ своей краткой рѣчи. Изъ того свѣтлаго царства чистѣйшей красоты, царства волшебныхъ цвѣтовъ живой поэзіи, царства изъ котораго черпали свои вдохновенія Моцартъ, Канова, Рафаэль, оттуда принесъ великій нашъ учитель и слово, которымъ онъ жегъ сердца людей, и чуткость къ гармоніи, и способность наслаждаться пластическими образами, и пониманіе всего прекраснаго. Плоды той неземной страны, страны художества и красоты, были насущною потребностью Пушкина, потребностью столь же настоятельною, сколько настоятельно требованіе свободы для духа человѣческаго. Вотъ что называлъ Пушкинъ свободою, этимъ высшимъ благомъ земнаго своего поприща:

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья.
Вотъ счастье! вотъ права!...

Утопать безмолвно, говорить поэтъ. Но нѣтъ. Это безмолвіе поэта предъ созданіями искусствъ и вдохновенія только временное. Художественный образъ, занявшій мѣсто въ воображеніи поэта, долго покоится въ безмолвіи, но не гаснетъ. Въ головѣ художника совершается надъ этимъ образомъ безсознательная работа, мысль получаетъ толчекъ, появляются новыя мечты, новыя думы, мечты лелѣются, думы вынашиваются; наконецъ вступаетъ въ свои права вдохновеніе поэта. Настаетъ безпокойство, предшествующее проявленію творчества:

Душа стѣсняется лирическимъ волненіемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ какъ во снѣ
Излиться наконецъ свободнымъ проявленіемъ.

И тутъ, говорить Пушкинъ,

Ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды души моей.

Это все давнія впечатлѣнія, запомнившіеся образы, выношенные думы, взлелѣянные мечты. Наступаетъ мигъ воплощенія.

Такимъ то образомъ лира поэта увѣковѣчиваетъ и передаетъ намъ его впечатлѣнія. Какъ просто, какъ граціозно оно выливается, не вымученное нарочитыми усилиями, а подготовленное художественною воспримчивостью и воплощенное свободнымъ вдохновеніемъ! И мы — и подозрѣвать не можемъ, сколько переработалъ въ себѣ художникъ исподоволь, сколько разнороднаго матеріала онъ собралъ, быть можетъ безсознательно, чтобы дать полный значенія художественный образъ, облеченный въ легкую, непринужденную, изящную форму.

Недостаточно было Пушкину увидеть статую Кановы, чтобы описать ее своимъ стихомъ; вѣроятно, что произведеніе скульптора только дало толчекъ вдохновенію, и оно

вызвало къ жизни цѣлый рой выношенныхъ мыслей, рядъ давнихъ впечатлѣній отъ образовъ, ритма, характера твореній античнаго искусства. Все это соединилось въ четыростишии, проникнутомъ красотою древне-греческаго міра :

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.

Дѣва печально сидитъ, праздный держа черепокъ.

Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой.

Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печально сидитъ.

Такимъ то образомъ долженъ находить художественный образъ свое отраженіе и въ другихъ искусствахъ. Если мы встрѣчаемъ и въ музыкѣ счастливыя воспроизведенія лиры поэтовъ, то это тогда, когда красоты поэтическихъ образовъ находятъ себѣ въ музыкѣ родственное созвучіе, созвучіе самостоятельно прекрасное, отнюдь не стремящееся рабски перефразировать поэзію, но дополняющее красоту оригинала красотою новыми, сходными по характеру и значенію.

Лирика Пушкина сама просится на музыку, замѣтилъ на одной изъ своихъ сердечно прочувствованныхъ лекцій нашъ дорогой истолкователь чествуемаго поэта. Стихи „я васъ любилъ“ положены на музыку не менѣе 20 разъ. Какія чувства и страсти, и самыя человѣческія, и самыя святыя не перешли съ лиры Пушкина чрезъ вдохновеніе нашихъ художниковъ музыки на голосъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Тутъ вы найдете и уныніе — „я пережилъ свои желанія“, и упоеніе любовью — „мой голосъ для тебя и ласковый и томный“, и молодцеватое ухаживаніе Испанца — „я здѣсь Инезилья“, и отеческую ласку — „если жизнь тебя обманетъ“, и вакхическое разгулье, и мрачный юморъ шотландца, и увлеченіе юнаго стихотворца, сокрушающагося о томъ, что его память поглотитъ Лета, и чувство долга женщины, отрекающейся отъ счастья, которое когда-то было такъ близко, такъ возможно. И дѣйствительно, какія дивныя произведенія получаютъ отъ сочетанія цѣвницы, врученной

музою нашему поэту, съ лирами Глинки, Даргомыжскаго, Чайковского.

Чѣмъ лучше можно было украсить легкую игривую поэзію, какъ не музыкою Глинки на слова: „играй Адель, не знай печали, хариты, лель тебя вѣнчали и колыбель твою качали . . . “ !

Какую неподобную исторію любви рисуетъ Глинка на конвѣ романса, написаннаго поэтомъ подѣ обаяніемъ Анны Петровны Кернъ: „я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты“ ! Рѣзкими штрихами отѣняетъ Глинка разлуку. Отрывистые, сухіе, рѣдкіе удары въ аккомпанементѣ какъ будто подчеркиваютъ жесткость, безпощадность судьбы, оторвавшей поэта отъ всего дорогого:

Въ глуши, во мракѣ заточенья
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Ожесточенность, озлобленіе слышите вы въ музыкѣ. Но за то какъ естествененъ, свѣжъ и милъ оживленный возвратъ первой темы при словахъ:

Душѣ настало пробужденье,
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Мастерскимъ *stretto* обрисовываетъ Глинка радость, наполняющую сердце и переходящую въ упоеніе счастіемъ; сердце воскресаетъ, мечты воскресаютъ, вновь живы „и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь“.

У меня еще стоитъ въ ушахъ металлическій звукъ высокаго сопрано ученицы Глинки, талантливой пѣвицы и писательницы Гринбергъ, пѣвшей этотъ романсъ 30 лѣтъ тому назадъ такъ, какъ училъ ее Глинка. Вспоминаются

увлажненные слезою, теперь уже ослѣпшіе, глаза слушателя, 80-лѣтняго старца, понынѣ помнящаго былые восторги, и чувствуется тотъ благодатный трепеть, который овладѣвалъ при звукахъ, рисующихъ возвращеніе утраченнаго счастья.

Вспоминая такія глубокія, многолѣтнія впечатлѣнія, не можешь не признать, что музыка способна выражать, способна захватывать все существо человѣка, способна заставить его трепетать, способна умилять, вызывать слезы печали и воскрешать радость. Несомнѣнно, лира Пушкина вдохновила музыкантовъ къ произведеніямъ богатымъ и выразительностью, и чистою красотою. Это сочетаніе дорого намъ именно тогда, когда самостоятельная прелесть словъ соединяется съ красотою самостоятельною въ музыкальныхъ звукахъ, и когда звуки рѣчи и музыки согласно возбуждаютъ наше воображеніе и волнуютъ душу.

Но не ошибаемся ли мы? Можетъ ли быть вложено въ звуки музыки выраженіе чувствъ и изображеніе реальныхъ картинъ и движеній? Присуще ли оно музыкѣ? Не навязана ли музыкѣ эта способность нашимъ разыгравшимся воображеніемъ? Согласуется ли она со здравымъ смысломъ?

Здравый геній Пушкина даетъ намъ указанія на границы выразительности музыки. Вотъ какъ говоритъ онъ устами Моцарта, объясняющаго другу свое новое произведеніе:

Намедни ночью

Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнъе.

Представь себѣ . . . кого-бы?

Ну, хоть меня, — немного помоложе,
Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка,
Съ красоткой или съ другомъ — хоть съ тобой . . .

Я весель . . . Вдругъ : видѣнье гробовое,
Внезапный мракъ иль что-нибудь такое.
Ну, слушай же.

Не ясно ли, что здѣсь Пушкинъ высказываетъ желаніе связать съ звуками музыки реальные образы; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настолько далекъ отъ программы, что не опредѣляетъ ни одного отчетливаго реального образа: „кого бы? ну, хоть меня“, „съ красоткой или съ другомъ“, „видѣнье гробовое, внезапный мракъ иль что-нибудь такое“. Мало того, у Моцарта оказывается готовымъ музыкальный образъ, форма, и онъ къ готовой музыкѣ старается только подобрать реальные жизненные образы; эти образы, кажется, только настолько важны, насколько они способны скорѣе навести на желаемое настроеніе, нужное для того, чтобы проникнуть въ музыкальную красоту и оцѣнить ее. Пушкинъ признаетъ слѣдовательно въ музыкѣ прежде всего ея самостоятельную прелесть, а затѣмъ настроеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отвергаетъ въ музыкѣ нѣкоторой изобразительности, допуская впрочемъ картины дѣйствительности, какъ атрибутъ, но не существенное начало музыки, и предоставляя большую свободу въ выборѣ этихъ атрибутовъ. Такимъ образомъ Пушкинъ становится въ золотой серединѣ между музыкальными эстетиками двухъ лагерей: между такъ называемыми идеалистами и формалистами.

Этимъ взглядомъ Пушкина, мнѣ кажется, должны руководиться тѣ композиторы, которые задаются цѣлью дополнить музыкою очарованіе его стиха. Дать легкую, граціозную, подобную Пушкинской, форму и уловить настроеніе, не доискиваясь буквальности выраженія — вотъ ихъ задача. Одно изъ счастливыхъ сочетаній словъ Пушкина съ музыкою получено совершенно случайно изъ соединенія его романса „мой голосъ для тебя и ласковый и томный . . .“ съ подходящимъ къ нему по настроенію прелестнымъ фортепьяннымъ романсомъ А. Г. Рубинштейна. Много прекрасныхъ

образцовъ совпаденія настроенія въ музыкѣ и въ лирическихъ оригиналахъ Пушкина можно найти и помимо перечисленныхъ примѣровъ.

Но какъ ни богаты средства музыки для дѣйствія на чувство человѣка, однако встрѣчается затрудненіе при иллюстраціи нѣкоторыхъ даже лирическихъ текстовъ Пушкина. Музыка вступающая на путь преднамѣреннаго выраженія, берется за дѣло трудное, почти непосильное; она собираетъ тогда все свои средства, сосредоточиваетъ все вниманіе на предметѣ изображенія и уже не даетъ возможности соединить хотя бы два противорѣчивыхъ настроенія. Она, быть можетъ, прекрасно передаетъ настроеніе „грусти томной“. Но если нужно сказать, что Ольга „не способна къ грусти томной“, то такое отрицаніе уже ускользаетъ изъ власти музыки; Чайковскій этому примѣромъ.

Еще болѣе неодолимые затрудненія представляются при иллюстраціи болѣе крупныхъ, особенно эпическихъ произведеній Пушкина, которыя блещутъ тонкимъ, шутливымъ, порхающимъ настроеніемъ. Возьмемъ хотя-бы сказочные ужасы похищенія Людмилы Черноморомъ, томленій отрубленной головы великана и пр. Эти эпическіе образы могутъ составить содержаніе полныхъ значенія музыкальных картинъ у Глинки; но къ сожалѣнію, чтобы усвоить значеніе этихъ картинъ, слушатель долженъ отнестись къ воспріятію съ полнымъ сосредоточеніемъ. Онъ долженъ вникать въ музыку, активно участвовать въ музыкѣ, переживать ее такъ же, какъ переживалъ ее композиторъ. При этомъ обоюдномъ сосредоточеніи на предметѣ изображенія со стороны и композитора, и слушателя, по неволѣ исчезаетъ та игривость и шутливость, какою украсилъ Пушкинъ свою поему „Русланъ и Людмила“. Глинкѣ было поставлено въ вину это несоотвѣтствіе Сѣровымъ. Но что же дѣлать, если въ музыкѣ не найдено того жанра, который позволилъ бы совмѣстить изобразительность съ игривостью настроенія, притомъ безъ намека на извѣстный нежелательный пошибъ?

Къ этой легкости изображенія приближался въ хорошей музыкѣ только Моцартъ; музыка же современная привыкла требовать серьезности и полного сосредоточенія. Только при сосредоточеніи слушатель воспринимаетъ желательную экзальтацію, тотъ, такъ сказать, гипнозъ, который лежитъ въ задачахъ музыкантовъ, называющихъ себя идеалистами.

Пушкинъ не сторонникъ такой экзальтаціи. Противопоставляя экстазъ вдохновенію, онъ отдавалъ предпочтеніе вдохновенію, потому что экстазъ, по его мнѣнію, исключалъ спокойствіе, „необходимое условіе прекраснаго“.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ удивительное сходство Пушкина съ тѣми классиками, которые упомянуты выше въ эпиграфѣ, которые ставили своимъ идеаломъ идеаль чистой красоты, остерегаясь болѣзненнаго возбужденія, причиняемаго менѣе тонкими произведеніями искусства. Возьмите Рафаэля: его Христосъ падаетъ подъ бременемъ креста, Христосъ изнеможенъ, клонится къ землѣ; но онъ не падаетъ всею тяжестью своего тѣла, не придавливается крестомъ, который вѣ-время поддержанъ окружающими; художникъ не довелъ физической возмутительности до крайняго предѣла, онъ даетъ чувствовать ее, оставаясь вѣрнымъ требованіямъ красоты. Не подобное ли мы чувствуемъ въ Моцартовыхъ звукахъ: ужасъ появленія статуи командора слышится въ этихъ мѣрныхъ, широкихъ, ритмическихъ ударахъ благозвучныхъ D-moll-ныхъ аккордовъ, и страхъ, неодолимость этой каменной, таинственной, загробной силы не вырываетъ у художника ни одного диссонанса. Съ полнымъ самообладаніемъ онъ послѣ грозной музыкальной картины, открывающей Донъ-Жуана, рассыпается въ блестящихъ игривой увертюры.

Намъ, привыкшимъ теперь къ тому, чтобы произведенія искусства били по нервамъ, приводили въ экзальтацію, гипнотизировали, такое легкое отношеніе къ только-что вышванному настроенію кажется непонятнымъ, почти обиднымъ.

Дѣйствительно многіе изъ насъ при имени Моцартажимаютъ плечами. Точно также и по отношенію къ Рафаэлю можно слышать мнѣніе заправскихъ живописцевъ, что „теперь всякій умѣетъ рисовать какъ Рафаэль и даже лучше Рафаэля, но что теперь уже такъ не рисуютъ, потому что у публики нѣтъ спроса на подобныя произведенія.“ А тѣмъ не менѣе никто не можетъ теперь создать ни Сикстинской Мадонны, ни С-диг'наго квартета.

Параллель, проводимая между Рафаэлемъ и Моцартомъ, продолжается и до Пушкина. И у его твореній есть черта недоступности для лицъ, цѣнящихъ въ искусствѣ сильныя ощущенія выше всего. И Рафаэль, и Пушкинъ работали сознательно, отдаваясь труду изученія предмета и вынашивания мысли. Въ параллель упорному труду Пушкина, кропотливо собиравшаго матеріалы, вырабатывавшаго планы и испестрявшаго рукописи помарками, можно привести извѣстную манеру Рафаэля, который не довольствовался для Мадонны списываніемъ фигуры избранной натурщицы, поставленной и драпированной согласно его замыслу, но сперва отыскивалъ красоту посредствомъ многихъ пробъ установки и списыванія фигуры цѣликомъ и по частямъ à la, и затѣмъ повторялъ поиски за красотой драпировки. Не такъ ли вырабатывалъ свои планы, свою гармонію частей въ цѣломъ, свою мысль и свой стихъ нашъ Пушкинъ?

А въ той независимости продукта творчества отъ обстоятельствъ жизни и отъ случайнаго влеченія, которой мы удивляемся въ Пушкинѣ, не найдемъ ли мы сродства его генія съ геніемъ Моцарта, писавшаго свои квартеты безъ единого жалобнаго звука, безъ единой мрачной черты тогда, когда въ душѣ было отчаяніе отъ нищеты и постыдныхъ интригъ враговъ его?

Таковъ былъ и Пушкинъ. Во мракѣ заточенія онъ все же сохранялъ свободу, непринужденность, игривость творчества. Онъ рисовалъ не мрачные образы, не тяжелыя впечатлѣнія, но волшебные цвѣты поэзіи изъ прекраснаго

свѣтлаго царства Моцарта и изящнаго Рафаэля — изъ колыбели гармоніи и правды.

Подобіе трехъ великихъ художниковъ является и въ ихъ преждевременной смерти.

Недолго медлил онъ : велѣніемъ Творца
Опять отозванъ былъ въ ту свѣтлую обитель
А мы . . . мы можемъ лишь, смущенныя сердца,
Смиренно лепетать судьбѣ жестокой пени
И, горды славою его священной тѣни,
Вѣнчать безсмертіемъ великаго пѣвца.

Пушкинъ въ эстской литературѣ.

Рѣчь,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго Университета 26 мая 1899 г.

Эстская литература находилась, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, относительно переводовъ съ другихъ языковъ совсѣмъ подѣ влияніемъ нѣмецкой литературы. Въ особенности не существовало переводовъ съ русскаго языка или существовало очень мало. Вслѣдствіе этого и гениальный русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, во время своей жизни и болѣе сорока лѣтъ послѣ своей кончины, не былъ извѣстенъ въ эстскомъ народѣ, занимавшемся впрочемъ довольно много чтеніемъ беллетристической литературы. Только сыновья эстовъ, посѣщавшіе гимназіи въ городахъ обитаемой эстами земли, читали сочиненія Пушкина. Болѣе всего въ гимназіяхъ Прибалтійскаго края въ тогдашнее время читали повѣсть подѣ заглавіемъ „Капитанская дочка,“ а кромѣ того драму „Скупой рыцарь“ и стихотвореніе „Полтава“; рѣже стихотворенія „Мѣдный всадникъ“, „Евгеній Онѣгинъ“ и пр.

То обстоятельство, что въ гимназіяхъ читали избранныя произведенія Пушкина, дало основаніе сообщить эти сочиненія всему эстскому народу. Геній Пушкина воодушевлялъ всѣхъ, читавшихъ его поэтическія произведенія. Повѣсть „Капитанская дочка“, подѣ эстскимъ заглавіемъ „Kapteni tütar“, переведенная Я. Кырвомъ на эстскій языкъ въ

1879-омъ году, въ слѣдующемъ году появилась въ печати. Въ томъ же самомъ году появилось въ печати и драматическое сочиненіе „Скупой рыцарь“, на эстскомъ языкѣ „Kõrbi rüütel“, переводъ А. Дидо; впоследствии оно часто давалось на любительскихъ сценахъ.

Кромѣ упомянутыхъ сочиненій почти все остальное являлось въ разныхъ журналахъ, газетахъ и книжкахъ въ числѣ прочаго содержанія, такъ какъ особаго изданія сочиненій Пушкина до сихъ поръ на эстскомъ языкѣ не было.

Вниманіе народа этими изданіями уже было обращено на Пушкина. Въ періодическихъ изданіяхъ начали появляться въ особенности разныя стихотворенія его. Мнѣ нельзя было собрать всѣ номера, въ которыхъ они помѣщались. „Дубровскій“, переводъ А. Морфельдта, изданъ былъ въ газ. „Eesti Postimees“ 1880 г. (№ 25—33). Повѣсть „Барышня-крестьянка“, по-эст. „Talupreili“, издана даже въ трехъ переводахъ, послѣдній разъ въ редактируемомъ мною журналѣ „Õibu-leht“, изъ подъ пера А. Таммери. Въ то же время явилась въ печати и часть другихъ рассказовъ изъ „Повѣстей Бѣлкина“. Такъ именно рассказъ „Метель“, по-эст. „Lüüft“, явился въ журналѣ „Õma maa“, основанномъ и редактировавшемся покойнымъ докторомъ М. Веске, въ 1885-омъ году. Разныя газеты публиковали болѣе мелкія стихотворенія.

Въ 1886-омъ году, въ томъ-же журналѣ „Õma Maa“, явился переводъ стихотворенія „Полтава“. Переводъ принадлежитъ перу Якова Тамма, уже раньше обратившаго на себя вниманіе собственными поэтическими произведеніями и переводами сочиненій Лермонтова на эстскій языкъ. Переводъ Тамма произвелъ значительное впечатленіе своею плавностью и красотой, а также правильностью языка, хотя и не въ такой степени. Скоро послѣ того Таммъ перевелъ еще другое стихотвореніе Пушкина, именно „Мѣдный всадникъ“, по-эстски „Rasf-ratjanif“. Это стихотвореніе вошло въ самую

употребительную этскую школьную книгу для чтенія К. Р. Якобсона. Впослѣдствіи Яковъ Таммъ перевелъ еще мелкія стихотворенія, напр.: „Птичка“ („Sinnufe“), „Зимняя дорога“ („Talme tee“), „Бѣсы“ („Londid“) и пр. Кромѣ означенныхъ явились въ „Oma Maa“, V: „Женихъ“, по-эст. „Peigmees“, а въ „Oma Maa“, VI — „Пророкъ“, по-эст. „Põhmet“, и, вторично, „Поэтъ“, по-эст. „Suuletaja“.

Изъ мелкихъ стихотвореній Пушкина были напечатаны: „Зимній вечеръ“ („Talme õhtu“), переводъ Т. Е. Кузика, въ газетѣ „Valguš“ 1889 г. (№ 23); „Русалка“ („Räff“), переводъ Р. Ганзона, въ той же газетѣ 1890 г. (№ 13); въ газетѣ „Postimees“: 1889 г., приложение (стр. 233) — „Птичка“ („Sinnu laul“); 1891 г. (№ 23) — „Я помню“ („Mul meeles“); 1892 г. (№ 185) — „Teekäigu kaebused“; 1892 г., приложение (стр. 292) — „Элегія“ („Elegia“); 1893 г. (№ 28) — „Зимняя дорога“ („Talvine tee“); 1896 г. (№ 245) — „Утопленникъ“ („Uppunud mees“); въ газ. „Safala“ 1890 г.: „Ангель“ („Engel“); въ газ. „Cesti Postimees“ 1895 г. (№ 52): вторично „Русалка“, переводъ І. Ф. Мейера; 1897 г. (№ 3) — „Зимняя дорога“; 1897 г. (№ 30) — „Süfõit“, перев. К. Аннила; въ газ. „Olewis“ 1897 г.: „Разлука“ („Sahkumine“), „Птичка“ („Sinnufe“), перев. А. Латтика, вторично, и пр. Кромѣ того еще стихотворенія: „Поэтъ“ („Saulif“), переводъ Г. Э. Луйга; „Талисманъ“ („Talisman“), перев. І. Лешника; „Молитва“ („Palve“), Т. Кузика, и „Пѣсня о вѣщемъ Олгѣ“ („Tarf Oleg“).

Нѣкоторыя стихотворенія, какъ видно, переведены дважды, зато другія поэтическія произведенія Пушкина еще совсѣмъ неизвѣстны этской литературѣ. Такъ напр. „Евгенія Онѣгина“ и „Кавказскаго плѣнника“ еще до сихъ поръ нѣтъ въ переводахъ на этскомъ языкѣ.

По сему выше изложенному, до 1887-го года этскіе друзья литературы знали уже нѣкоторыя сочиненія Пушкина, но самая жизнь поэта была еще неизвѣстна. Въ упомянутомъ журналѣ „Oma Maa“, изъ подъ пера И. Егевера, явилась

краткая характеристика Пушкина. Это случилось въ память пятидесятилѣтія дня кончины Пушкина, 29-го января 1887-го года. Въ краткихъ очеркахъ здѣсь говорится о дѣтствѣ и молодости, но мало о зрѣлыхъ годахъ и вовсе ничего о кончинѣ поэта. О его поэзіи сказано: „Поэзія Пушкина чиста, идеальна, свѣжа и утѣшительна, какъ утренній воздухъ на берегу озера при восходѣ солнечнаго колеса на ясное небо.“

Краткое жизнеописаніе Пушкина составлено мною въ журналѣ „*Saalu ja mängu leht*“ 1890-го года (№ 8). Въ этомъ жизнеописаніи я постарался дать ясную картину о геніальномъ поэтѣ и объяснить, какимъ образомъ возникли и сложились его произведенія. Здѣсь описана и его трагическая смерть. Я не могъ присовокупить портрета Пушкина; но черезъ шесть лѣтъ, а именно въ 1896-мъ году, мнѣ удалось опубликовать также и портретъ его въ томъ же самомъ журналѣ (№ 5) и еще разъ указать на его безсмертныя сочиненія.

Вотъ вкратцѣ все, что я могъ сказать о Пушкинѣ въ эстской литературѣ и о вліяніи его сочиненій. Вслѣдствіе краткости времени мнѣ не возможно было собрать весь матеріалъ, относящійся къ этой темѣ. Но изъ изложеннаго видно, что великій и знаменитый русскій стихотворецъ достаточно популяренъ между эстскими друзьями литературы.

Пушкинъ въ латышской литературѣ.

Рѣчь,

произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго
Университета 26 мая 1899 года приватъ-доцентомъ и лекторомъ
Я. Лаутенбахомъ.

Милостивыя государыни,

Милостивые государи!

На меня, какъ преподавателя латышскаго языка и литературы при здѣшнемъ университетѣ, выпала честь сдѣлать сообщеніе о Пушкинѣ въ латышской литературѣ. Имѣю честь вкратцѣ сообщить слѣдующее.

Хотя русскія народныя поэтическія произведенія — народныя пѣсни, сказки, пословицы и загадки — проявляютъ нѣкоторое сходство и родство съ латышскими народными поэтическими произведеніями того же рода; хотя въ началѣ 18-го столѣтія, во время реформъ императора Петра Великаго, извѣстный дѣятель латышской литературы, воспитатель императрицы Екатерины I-ой, бывшій ректоръ Московскои Славяно-Греко-Латинской академіи, Эрнстъ Глюкъ, былъ и дѣятелемъ русской литературы; хотя еще современникъ чествуемаго нынѣ поэта, латышскій поэтъ пасторъ Гугенбергеръ занимается русскою литературой: переводитъ нѣкоторыя русскія сказки на латышскій языкъ, знакомится съ поэзією Державина, — все-таки знакомство латышской читающей публики съ произведеніями русскихъ писателей начинается довольно поздно. И это не мудрено. Съ одной стороны произведенія русской народной словесности — народныя пѣсни, сказки, пословицы и загадки — собираются и печат-

таются лишь въ новѣйшее время, самая русская національная изящная литература есть продуктъ новаго и новѣйшаго времени, и съ другой стороны прежніе дѣятели латышской литературы (предыдущихъ столѣтій), получившіе свое высшее образованіе большею частью на Западѣ, находились подъ вліяніемъ Запада, не обращая почти никакого вниманія на Востокъ. Только въ новѣйшее время дѣло принимаетъ другой оборотъ. Самые латыши, получивши доступъ къ образованію, созидая свою національную словесность, обращаютъ въ настоящее время вниманіе и на Востокъ, на духовныя сокровища своихъ славянскихъ братьевъ. И такимъ образомъ появляются на латышскомъ языкѣ переводы, какъ-то: южнославянскія и русскія стихотворенія, народныя пѣсни, да, мало по малу переводятся сочиненія, біографіи и даже ученые труды русскихъ писателей и ученыхъ, и теперь нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, изъ произведеній котораго не имѣлось бы хоть нѣкоторыхъ на латышскомъ языкѣ.

Какое же вліяніе оказалъ Пушкинъ на эту литературную дѣятельность латышей? Что волны и течения, приведенныя въ движеніе пылкимъ духомъ и геніемъ Пушкина, достигли и Балтійскаго побережья, это несомнѣнно. И на самомъ дѣлѣ, между русскими поэтами, произведенія которыхъ уже переведены на латышскій языкъ, Пушкинъ никакъ не стоитъ на послѣднемъ планѣ. Мало того. Пушкинъ даже первый изъ русскихъ поэтовъ, которые привлекаютъ молодыхъ образованныхъ латышей. Въ срединѣ этого столѣтія при здѣшнемъ университетѣ образовался кружокъ латышскихъ студентовъ съ цѣлью заниматься латышскою литературою. Уже съ этого времени начинается знакомство латышей съ Пушкинымъ. Ибо между упомянутыми студентами находился переводчикъ-поэтъ Юрисъ Алуансъ, который началъ переводить на латышскій языкъ и стихотворенія русскихъ поэтовъ, между ними и Пушкина. Къ сожалѣнію, Алуансъ скоро умеръ. Только въ 1869 г.

вышла въ свѣтъ вторая часть переведенныхъ имъ стихотвореній, гдѣ встрѣчаются между прочими въ отрывкахъ „Цыганы“ Пушкина. Это, сколько мнѣ извѣстно, первый опытъ ознакомленія латышей на ихъ собственномъ языкѣ съ сочиненіями великаго поэта. Въ 1872 г. издаетъ Каудзите I-ую часть своихъ стихотвореній, между которыми встрѣчаются и переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина. Тотъ же самый поэтъ переводитъ впоследствии (1877 г.) еще нѣсколько лирическихъ стихотвореній и эпическую поему „Кавказскій плѣнникъ“. Теперь послѣ этого скромнаго начала увеличивается число переводчиковъ чествуемаго поэта. Въ 1877 г. другой переводчикъ издаетъ „Русалку“ въ ямбахъ и на хорошемъ языкѣ. Спустя годъ (1878 г.) была переведена „Капитанская дочка“ и, начиная съ 1874 г. до настоящаго времени, почти всѣ латышскіе журналы, газеты и даже календари участвовали въ переводѣ сочиненій Пушкина.

1) Еженедѣльные газеты: *Mājas Veess* (Домашній Гость) въ своемъ приложеніи (*Peelikums*) въ 1874 году; *Pasaule un Daba* (Міръ и Природа) въ 1875 г.; *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1877 г.; *Balss* (Голосъ) въ шести своихъ годовыхъ изданіяхъ, въ 1881, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1894 гг.; *Tēvija* (Отечество) въ 1884 и 1889 г.; *Baltijas Zemkopis* (Балтійскій Сельскій Хозяинъ) въ 1889 г.; *Latvešu Avīzes* (Латышская Газета) въ томъ же году и наконецъ *Latveetis* (Латышь) въ 1891 г.

2) Ежедневныя газеты: *Rīgas Lapa* (Рижскій Листокъ) въ 1880 г.; *Baltijas Vēstnesis* (Балтійскій Вѣстникъ) въ 1889 и 1892 г. и *Deenas Lapa* (Ежедневный Листокъ) въ 1892 и 1893 г.

3) Иллюстрированныя ежемѣсячныя научно-литературныя журналы: *Austrums* (Востокъ) съ 1885 года до нынѣ и *Mājas Veesa Mēnešraksts* (Ежемѣсячный журналъ газеты „Домашній Гость“) въ 1898 г. Наконецъ

4) Иллюстрированные литературные календари: *Vidzemes kalendars* (Лифляндский календарь) в 1893 г. и *Austruma kalendars* (Календарь журнала „Востокъ“) в 1897 г.

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ помѣщено — въ однихъ больше, въ другихъ меньше — множество, какъ мелкихъ, такъ и большихъ произведеній чествуемаго поэта. Съ 1885 г. начинаетъ выходить уже упомянутый иллюстрированный научно-литературный журналъ *Austrums* (Востокъ), въ которомъ уже въ первомъ году его изданія появляются: повѣсть „Дубровский“, „Барышня крестьянка“, баллада „Утопленникъ“ и др. Въ томъ же самомъ журналѣ (1887 г.) появились „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“, нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“ и тамъ же печаталось впослѣдствіи множество мелкихъ лирическихъ, эпическихъ и драматическихъ произведеній Пушкина, между ними и отрывки изъ романа „Евгеній Онѣгинъ“. Множество сочиненій Пушкина появляется какъ въ газетахъ, журналахъ и литературныхъ календаряхъ, такъ и отдѣльными изданіями. Отдѣльно изданы, именно: въ 1877 г. „Кавказскій плѣнникъ“ и въ томъ же самомъ году „Русалка“; потомъ въ 1878, 1892 и 1894 гг. „Капитанская дочка“, а именно въ послѣднемъ году въ переводѣ латышскаго писателя Нѣдры, въ изданіи Научной Коммисіи Рижскаго Латышскаго Общества для латышской молодежи; далѣе, въ 1889 г. „Полтава“ (прозаическій переводъ), въ 1891 г. цѣлый сборникъ различныхъ сочиненій Пушкина, въ 1892 г. „Цыганы“, наконецъ на дняхъ, какъ юбилейное изданіе уже упомянутой Научной Коммисіи, опять „Капитанская дочка“. Въ указанномъ уже второмъ иллюстрированномъ ежемѣсячномъ научно-литературномъ журналѣ *Mājas Veesa Mēnešraksts* (Ежемѣсячный журналъ газеты „Домашній Гость“) былъ помѣщенъ въ прошломъ году переводъ Бориса Годунова съ подробнымъ описаніемъ жизни и литературной

дѣятельности поэта и съ иллюстраціями. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ уже упомянутомъ журналѣ были помѣщены и портреты поэта. Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издаетъ Научная Коммиссія Рижскаго Латышскаго Общества сочиненія писателей изъ литературъ другихъ народовъ, между которыми встрѣчаются и многіе русскіе. Наконецъ теперь по случаю столѣтней годовщины во всѣхъ латышскихъ газетахъ и журналахъ помѣщаются біографіи съ портретами чествуемаго поэта и та же самая Научная Коммиссія Рижскаго Латышскаго Общества приготовляетъ юбилейное изданіе избранныхъ сочиненій Пушкина.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Исторіи Пугачовскаго бунта, на латышскомъ языкѣ имѣются уже почти всѣ поэтическія произведенія Пушкина. Я долженъ при томъ еще замѣтить, что нѣкоторыя изъ его сочиненій переведены уже во второй, даже въ третій, четвертый и пятый разъ, а именно: „Скупой рыцарь“ и „Русалка“ два раза, „Пиковая дама“ три раза, „Цыганы“ и нѣкоторыя лирическія стихотворенія, какъ, напр., „Зимній вечеръ“, „Тройка удалая“ и другія, два, три и болѣе разъ; наконецъ „Капитанская дочка“ уже въ пятый разъ.

Изъ всего изложеннаго уже заключаемъ, что литературная дѣятельность Пушкина не могла остаться безъ всякаго впечатлѣнія и вліянія на латышей и ихъ литературу. Но какое это вліяніе, о томъ говорить теперь еще рано. Время ознакомленія латышей съ великимъ поэтомъ еще сравнительно короткое.

Возникаетъ вопросъ, почему латыши только около двадцати-тридцати лѣтъ послѣ смерти великаго поэта начинаютъ знакомиться съ нимъ? По устройству прибалтійской жизни въ первой половинѣ текущаго столѣтія латышамъ едва возможно было получать высшее образованіе. Лишь со второй половины 19-го столѣтія обстоятельства улучшаются и въ этомъ отношеніи: латышская образованная

молодежь, число которой съ каждымъ годомъ увеличивается, начинаетъ уже знакомиться съ Пушкинымъ. Сверхъ того Пушкинъ принадлежитъ къ тѣмъ геніямъ, которые мало признавались во время своей жизни и дѣятельности. Признанію любого поэта со стороны инородцевъ должна предшествовать любовь и признательность собственнаго народа.

Но такъ или иначе, духъ великаго незабвеннаго поэта можетъ утѣшаться и быть довольнымъ, что сравнительно въ короткій срокъ послѣ физической смерти поэта его бессмертные поэтическіе труды извѣстны латышамъ уже цѣликомъ. Изъ довольно значительнаго числа латышскихъ переводчиковъ Пушкина съ одной стороны, и изъ многократныхъ переводовъ многихъ его сочиненій въ теченіе столь короткаго времени съ другой стороны, мы можемъ, безъ сомнѣнія, заключить, что поэзія эта на самомъ дѣлѣ имѣетъ ббльшее значеніе, чѣмъ исключительно узконаціональное, что она переходитъ узкія грани родины и отечества, что и къ ней примѣняется слово: „нѣсть іудей, ни эллинъ“. Геній и духъ Пушкина такъ великъ и обширенъ, что онъ принадлежитъ не только собственному народу, но и инымъ народамъ, — да, всему человѣчеству.

Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго
Юрьевскаго Университета 26 мая 1899 года.

Нѣтъ, весь онъ не умретъ:
Онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа. . .

М. Г-ни и М. Г-ри! Одинъ за другимъ входимъ мы на эту кафедру, одинъ за другимъ пытаемся охарактеризовать ту или иную сторону дѣятельности геніальнаго поэта, но если бы насъ явилось сюда вдвое, втрое, вчетверо болѣе, и если бы каждый изъ насъ избралъ себѣ темою какую-нибудь наиболѣе выпуклую черту въ поэзіи Пушкина, то и тогда, съ увѣренностью скажу, не исчерпать всей этой многосторонней, всеобъемлющей, — я хотѣлъ бы сказать, этой многогранной фигуры. . .

Не столько тотъ десятокъ минутъ, какимъ я располагаю, не столько недостатокъ времени, сколько именно эта многогранность не позволяетъ мнѣ даже и пытаться очертить нашего Пушкина во весь его ростъ. А между тѣмъ задача такъ заманчива! . . . Такъ хотѣлось бы, именно отступя на нѣкоторое разстояніе, бросить взглядъ заразъ на всю творческую дѣятельность поэта! . . . Поэтому позвольте хотя бы только подчеркнуть эту сторону Пушкинскаго таланта, хотя бы только остановить ваше вниманіе на этой

всеобъемлемости его поэзии, охватившей самые разнообразные настроенія и запросы человѣческой души, съумѣвшей заглянуть въ самые затаенные, самые священные тайники человѣческой мысли.

Многосторонность Пушкина, быть можетъ, всего ярче обрисуетъ при сопоставленіи его съ другими поэтами и художниками русскаго слова, на фонѣ той односторонности, съ какою является талантъ остальныхъ.

Дѣйствительно, возьмемъ ли мы, напримѣръ, Жуковскаго — съ нимъ прежде всего и преимущественно вступаешь въ область романтизма, туманной дали, въ міръ фантазии, неясныхъ стремленій, заоблачныхъ высей, въ міръ чего-то одновременно и страшнаго, и сладкаго. Въ этой области Жуковский, безспорно, силенъ; но чуть вышелъ онъ изъ своей сферы, — и сила его поэзии сразу теряетъ свои крылья. Поэзія Лермонтова есть негодующій протестъ оскорбленной личности, чувство, близкое къ мести, во имя поруганной воли, себялюбиваго Я; съ именемъ Некрасова давно уже связывается представленіе о поэзии, черпавшей свое вдохновеніе, у „музы мести и печали“; Гоголь — неподражаемый сатирикъ, но все же только сатирикъ: все остальное въ его поэтическомъ творествѣ блѣднѣетъ, ступевывается передъ этою чертою таланта; Островскій — такой же неподражаемый бытописатель, но специально купеческой жизни, и только. Идемъ далѣе. Вотъ, напримѣръ, Фетъ, этотъ поэтъ личнаго настроенія, тонкихъ ощущеній души, неуловимыхъ движеній человѣческаго сердца; вотъ Достоевскій — поэтъ больной души; вотъ лира Надсона — болѣзненный плачъ ноющаго, изстрадавшагося сердца. . . Подбирайте, если угодно, другіе примѣры; но повсюду мы найдемъ въ сущности одно и то же. Я не хочу сказать, что всѣ эти поэты намѣренно смотрятъ въ одинъ какой-нибудь излюбленный уголокъ; нѣтъ, всѣ они, и крупные, и второстепенные, откликаются также и на другіе мотивы, кромѣ своего главнаго;

но какой-нибудь одинъ, данный, всегда преобладаетъ у нихъ надъ остальными, перевѣшиваетъ ихъ, оттѣсняетъ, затушевываетъ.

Не то Пушкинъ! У него не затушевывается ничто, у него ничто не подавляетъ другого. Гармонія душевнаго равновѣсія у него постоянна. Съ рѣдкостною силою таланта, съ неподражаемою легкостью, съ изумительной ясностью, съ восхитительной гибкостью формы, съ непередаваемой граціей, всегда воздушной и свободной, подобно мягкому дуновенію вѣтра, — онъ одинаково мастеръ во всѣхъ родахъ поэзіи, и въ лирикѣ, и въ эпосѣ, и въ драмѣ; онъ одинаково мощенъ, и какъ историкъ своего общества, и какъ пророкъ, вѣщающій божественный глаголь; одинаково обаятеленъ, и какъ поэтъ чуткаго женскаго сердца, и какъ баянъ, воскресившій намъ сказочный міръ родной старины. . . И любая струна, по которой онъ ударилъ, поетъ для слушателя родными, знакомыми звуками.

Въ этомъ отношеніи другого таланта подъ пару Пушкина въ русской литературѣ намъ не найти: Пушкинъ стоитъ одинокимъ. Правда, какъ разъ въ наше время, на рубежѣ двухъ столѣтій, подобно старому вѣковѣчному дубу, одинокимъ колоссомъ среди остальныхъ соратниковъ по литературному перу стоитъ другой великій писатель, другая слава и гордость Русской земли; но, при всей поразительной мощи его психологическаго анализа, при всей яркости и законченности художественныхъ образовъ, въ силахъ ли будетъ даже и онъ сравняться съ гениальнымъ поэтомъ? . . .

Это-то умѣнье отозваться, все охватить, эта-то многосторонность природы и дѣлаетъ Пушкина понятнымъ для всѣхъ и cadaго. Кто только не читаетъ его, кто только не восхищается имъ! Не даромъ услышите вы его и въ народной аудиторіи, и въ ученомъ собраніи, въ театрѣ и на музыкальномъ концертѣ; его читаютъ и въ деревенской школѣ, и въ кабинетѣ высокообразованнаго человѣка, и въ

великосвѣтскомъ салонѣ; не только читають, — его изучають: въ университетѣ, въ печати. . . Пушкинъ близокъ и доступенъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ состояніямъ, всѣмъ ступенямъ образованія. У него есть что сказать и ребенку, и взрослому, и старику, богатому и бѣдному, образованному и полуграмотному; любое стихотвореніе Пушкина, любое настроеніе его найдетъ своего читателя, найдетъ свой отголосокъ. Поэтъ поведетъ васъ на шумные пиры въ честь Вакха и Киприды и рядомъ съ этимъ дастъ вамъ усладу въ торжественно-молитвенномъ самоуглубленіи; онъ изобразитъ вамъ бурную, кипучую страсть, отъ которой такъ и вѣетъ африканскимъ пламенемъ, и тутъ же вы услышите изъ устъ его нѣжный, цѣломудренный шепотъ юной любви; онъ подниметъ васъ на самую горнія, онъ дастъ испытать вамъ счастье прощенія, усладу въ горделивомъ чувствѣ патриотической радости, научитъ съ уваженіемъ относиться даже къ падшему врагу, который „міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ“ . . . и тутъ же займетъ васъ самой обыденною мелочью, спустится до самыхъ житейскихъ интересовъ, въ родѣ грязи на одесскихъ мостовыхъ — и все это будетъ проникнуто такою искренностью чувства, такой теплотой и задушевностью, такой разительной, жизненной правдою, облечено въ формы такого высокаго поэтического созданія, что долго, долго стоите вы очарованный, съ умиленіемъ и благодарностью слѣдя за тѣмъ яркимъ и чистымъ потокомъ свѣта и добра, который льется на васъ отъ лучезарной фигуры поэта. . .

Гибкость и всесторонность таланта Пушкина не проявились, можетъ быть, нигдѣ съ такою яркостью и наглядностью, — именно яркостью, въ столь ослѣпительномъ блескѣ, брызжущимъ и, казалось, никогда не способномъ ослабнуть — какъ въ произведеніяхъ на темы изъ чужой жизни, изъ чужихъ временъ и правовъ, — черта уже не разъ останавливавшая вниманіе наблюдателя. Тутъ онъ очаровываетъ, подобно волшебнику, и нить за нитью, точно

гирлянды благоухающихъ розъ, называетъ передъ вашимъ удивленнымъ взоромъ. Поэтъ точно хочетъ сказать вамъ: „Для меня не существуетъ ни времени, ни пространства, ни той оболочки которую мы зовемъ національностью, и которая такъ часто и сильно мѣшаетъ намъ уловить черты чуждаго духа“. . . . Что иному дается, какъ результатъ многолѣтнихъ усилій и наблюденій, стбитъ напряженной работы мысли, упорнаго изученія — то Пушкинъ схватываетъ и воспринимаетъ одною лишь силою своего изумительнаго генія.

Вспомните его „Пророка“, переложеніе молитвы Ефрема Сирина, „Подражаніе Корану“. . . . Развѣ не библейскимъ Востокомъ, сильнымъ своею близостью къ Богу, дышатъ эти слова:

И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье. . . ?

Развѣ это не голосъ народа, привыкшаго бесѣдовать съ Творцемъ неба и земли, гордаго въ сознаніи, что никто иной, какъ онъ — „народъ избранный“:

Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моею,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей. . . ?

На почвѣ того же Востока выросла и великопостная молитва, которую такъ неподобно переложилъ Пушкинъ. Правда, она знакома была ему, какъ и любому изъ насъ, еще съ ранняго дѣтства; но есть ли въ русской литературѣ другая, подобная же, которая бы такъ властно овладѣвала нашимъ настроеніемъ, столь ощутительно рисовала нашему воображенію полутемные своды храма „во дни печальные великаго поста“, клубящійся дымъ церковныхъ камильницъ, трепетное мерцаніе лампадъ передъ иконами святыхъ и то

сладкое чувство смиренія, съ какимъ, при звукахъ этихъ проникновенныхъ словъ никнешь долу въ тревожномъ сознаніи своихъ грѣховъ и пламенномъ желаніи скорѣе омыть ихъ, очистить себя? . . .

Тѣмъ же Востокомъ, но на этотъ разъ уже мусульманскимъ, вѣсть отъ переложеній Корана. Какъ полны чисто арабской мистики эти противопоставленія :

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуса утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой! . .

Какая пламенная вѣра въ Бога, ищущая выраженія своему представленію о Творцѣ, какъ о Существовѣ, который

. . . править вѣтромъ; въ знойный день
На небо посылаетъ тучи,
Даетъ землѣ древесну тѣнь. . .

Какой фанатизмъ (а имъ вообще такъ богатъ исламъ!), какой восторженный энтузіазмъ правовѣрнаго, для котораго нѣтъ высшаго наслажденія, какъ разить враговъ во славу Аллаха :

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньѣ своемъ
Рекутъ: „Возьмите насъ съ собою“,
Но вы скажите: „Не возьмемъ“.
Блаженны падшіе въ сраженіи:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ

Подобно магу и чародѣю, переносить насъ Пушкинъ неоконченнымъ отрывкомъ „Цесарь путешествовалъ“ въ

эпоху императорскаго Рима. Въ изящной простотѣ этого строгаго стиля, чуждаго риторическихъ украшеній, въ спокойномъ ритмѣ этой сдержанной рѣчи, глубоко прочувствованной и сильной своимъ убѣжденіемъ, въ этихъ короткихъ предложеніяхъ такъ и слышится перо Тацита или Светонія. Съ первыхъ же строкъ, за внѣшней оболочкой разсказа, вы уже погружаетесь въ міросозерцаніе той эпохи, когда человѣческая жизнь ставилась ни во что, когда люди, пресыщенные земными благами, лишеныя сильныхъ желаній, разставались съ жизнью, какъ съ ненужной игрушкой, и умирали подъ ароматъ өміамовъ, съ улыбкой на устахъ, — той эпохи, когда благородство позы, красота движеній цѣнились выше благородства души, когда міръ, коченѣя отъ душевнаго холода, еще не успѣлъ прозрѣть и понять, чего ему не достаетъ — любви, чистой, святой любви . . . Подъ перомъ Пушкина этотъ маленькій случайный разсказецъ преобразился въ самую изящную и тонкую работу; какъ истый художникъ-ювелиръ, онъ мастерски отшлифовалъ свой алмазь и въ затѣйливой игрѣ его лучей отразилъ намъ цѣлый уголокъ изъ жизни древняго Рима.

Наконецъ, захочется ли вамъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ окунуться въ жизнь средневѣковой Германіи — откройте его „Скупаго рыцаря“; захочется вчитаться въ думы и мысли древняго грека — берите его подражанія „древнимъ“, Анакреону; а то, если хотите, поэтъ унесетъ васъ на мощныхъ крыльяхъ своей прихотливой фантазіи далеко, далеко, въ тотъ поэтической, полуволшебный край, гдѣ ночи такъ темны, гдѣ очи красавицъ такъ черны, а шпага противника такъ остра, неотвратима:

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!

Исполненъ отвагой,
 Окутанъ плащемъ,
 Съ гитарой и шпагой
 Я здѣсь подъ окномъ!

Ты спишь ли? Гитарой
 Тебя разбужу!
 Проснется ли старый —
 Мечомъ уложу . . .

Въ одномъ уже размѣрѣ этого чуднаго романа сколько рѣшимости, истинно-испанской страсти, бурной, едва сдерживаемой, готовой на все, сосредоточенной на одной жадной мысли! Развѣ это не настоящая Испанія, по крайней мѣрѣ та, какою мы преимущественно, хотя, можетъ быть, и одно-сторонне, привыкли представлять ее отсюда, на далекомъ разстояніи съ нашего сѣвера? . . . Глухое безмолвіе кругомъ, полный мракъ; во всемъ мірѣ бьется одно только горячее сердце пламеннаго любовника да чуть слышные аккорды гитары страстнымъ шепотомъ зовутъ его милую. . . И развѣ до васъ не доносится бѣненіе этого сердца? Развѣ не видите вы, какимъ восторгомъ, какою любовью горять эти глаза? . . .

Поэтъ, съ такой поразительной силою умѣвшій проникнуться чужимъ настроеніемъ, схватить міросозерцаніе, то есть, душу живу отдаленныхъ, даже отжившихъ народностей, тѣмъ съ бѣльшимъ совершенствомъ долженъ былъ воспринять черты родной ему жизни. Всеобъемлемость Пушкинской поэзіи была въ сущности только основою, на которой развернулся мощный геній поэта и породилъ то, что и составляетъ его истинный вкладъ, главнѣйшую заслугу передъ потомствомъ — раскрытіе національныхъ особенностей русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, мотивы изъ жизни Востока, древняго Рима, Германіи или Испаніи насъ могутъ плѣнять, восхищать, приводить въ изумленіе — но вся глубина Пушкинскаго творчества, весь безпредѣльный размахъ его генія раскры-

ваются лишь тамъ, гдѣ онъ рисуется намъ жизнь и бытъ русскаго народа въ разнообразѣйшихъ его проявленіяхъ, начиная съ природы и кончая изображеніемъ духовнаго склада, заглядывая въ самые сокровенные тайники, въ святая святыхъ народныхъ помысловъ, чаяній, желаній. И въ жизни русскаго общества скоро минетъ уже вотъ столѣтіе, какъ поэзія Пушкина, безъ преувеличенія, стала неисчерпаемымъ источникомъ для всѣхъ, кто хотѣлъ оглянуться вокругъ себя, — познать самого себя.

Впервые лишь съ Пушкина ознакомились мы съ истинно-художественными образами русской природы, именно съ тѣми особенностями, какія присущи ей въ нашихъ широтахъ и климатѣ. Зачастую мы не примѣчаемъ этихъ особенностей, онѣ примелькались намъ и мы не отдаемъ себѣ въ нихъ отчета. Но раскройте Пушкина, и онъ нарисуетъ вамъ картину, восхитительную по своей прелести, изумительную по своей точности и реализму. Какой натуралистъ изображалъ съ большей правдой и чутьемъ, напримѣръ, нашу весну:

Гонимы вешними лучами,
 Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
 Сбѣжали мутными ручьями
 На потопленные луга.
 Улыбкой ясною природа
 Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
 Синѣя блещутъ небеса;
 Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ;
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ кельи восковой;
 Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
 Стада шумятъ, и соловей
 Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей . . . ?

Кто изъ предшественниковъ Пушкина съумѣлъ нарисовать такую яркую картину осени, когда „лѣсовъ таин-

ственная сѣнь съ печальнымъ шумомъ“ обнажается; когда ложится „на поля туманъ“, и къ югу тянется „гусей крикливыхъ караванъ“? . . . ту осень, когда дохнетъ

осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. . . ?

или когда

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ,
Сребритъ морозъ увянувшее поле. . . ?

Русская зима полна разнообразія и оттѣнковъ — въ разнообразныхъ формахъ представилъ ее и Пушкинъ. Сколько новыхъ ощущений несетъ она за собою:

Опрятнѣй моднаго паркета,
Блится рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ. . . !

Въ нашемъ воображеніи встаютъ образы то спящей царевны въ непробудномъ снѣ:

. недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;

то волшебницы изъ старой, забытой сказки:

Клоками повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами

Среди полей, вокругъ холмовъ,
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла съ пухлой пеленою. . . .

Впервые лишь у Пушкина мы познакомились съ прелестью тихаго деревенскаго вечера :

Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужъ расходились хороводы;
 Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
 Огонь рабочій;

съ томящимъ уединеніемъ въ длинный зимній вечеръ, когда

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя;

съ бодрымъ настроеніемъ въ морозное солнечное утро, когда

Подъ голубыми небесами,
 Великолѣпными коврами,
 Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ,
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Поэтъ одинаково ярко, съ одинаковой любовью рисуетъ намъ и пышную столицу съ ея „темнозелеными садами“, ея „оградаъ узоръ чугунный“, ея

задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный. . . .
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранить, —

и глухую деревню,

избушекъ рядъ убогій,
 За ними черноземъ, равнины скать отлогій,
 Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса

иль

. . . рядъ холмовъ и нивы полосаты,
 Вдали разсыпанныя хаты,
 На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
 Овины дымные и мельницы крылаты. . .

Незатѣйливый пейзажъ нашей равнины, снѣжныя неприступныя вершины Кавказа, грустный шумъ голубыхъ волнъ Чернаго моря, ликующей день, вновь ожившій вслѣдъ за разсѣянной бурей — все, все нашло отраженіе въ кристальной поэзіи Пушкина.

Но природа, среди которой живетъ человѣкъ, не есть ли частица самихъ насъ? . . . Развѣ не чувствуется, хотя бы инстинктивно, глубокая, таинственная связь съ окружающей насъ обстановкой? . . . И вотъ почему картины русской природы, въ изображеніи Пушкина, рисуя эту обстановку, въ сущности вводили насъ во внутренній міръ нашей собственной жизни. Дѣло не въ картинѣ, нарисованной поэтомъ, но въ тѣхъ аккордахъ, какими она для насъ звучала. А вѣдь этими аккордами полны всѣ творенія Пушкина! . . .

Если поэтъ сумѣлъ плѣнить насъ своею „зимой“ или „осенью“, то еще болѣе неотразимымъ явился онъ тамъ, гдѣ заглядываетъ въ нашу собственную душу, гдѣ говоритъ о самихъ насъ. Человѣка вообще, движенія его сердца, полетъ его ума, волненія его души — все это знакомо было намъ и раньше; но впервые только Пушкинъ уловилъ движеніе русскаго сердца, впервые только у него этотъ полетъ и эти волненія обрисовались съ той окраскою, съ той индивидуальностью, какія присущи именно русскому человѣку. Странное дѣло! Мы прожили почти тысячу лѣтъ, а еще не знали самихъ себя! Видѣли, ощущали, но не давали себѣ отчета. И только теперь, въ этихъ чудныхъ сказкахъ и балладахъ впервые отчетливо раскрылась передъ нами душа русскаго народа, съ ея вѣрованіями и надеждами, горемъ и радостями. Царь Сал-

тань, князь Гвидонъ, королевичъ Елисей, старикъ рыбакъ „со своею старухой“ перенесли насъ въ такую сѣдую старину родного прошлаго, которая, казалось, совсѣмъ уже ушла отъ насъ навсегда; „Бѣсы“, „Утопленникъ“, „Русалка“ неожиданно приподняли завѣсу, скрывавшую особый міръ, гдѣ жизнь — и при томъ совсѣмъ подлѣ, бокъ о бокъ съ нашей — была полнымъ ключемъ, а мы ее до сихъ поръ и не замѣчали. . . . Устами Пушкина заговорилъ „простой“ народъ, и впервые образованнымъ людямъ XIX в. сталъ понятенъ его языкъ, та пѣсня, которую пѣлъ онъ изъ края въ край земли русской. И насъ неудержимо захватилъ широкій, величавый размахъ этой пѣсни, ея эпическая простота, трезвая правда, то нравственное здоровье, какимъ отъ нея дышетъ. Въ этой „грубой, мужицкой“ оболочкѣ, къ своему изумленію, мы увидали нѣчто намъ близкое, родное и дорогое; почувствовали, что выросли изъ тѣхъ же понятій и что сознать это неожиданное родство — значитъ, почерпнуть себѣ новыя силы, новую мощь.

А русская женщина! Трепетная Татьяна, скромная Марья Ивановна, наивная старушка-няня, несчастная русалка съ ея беззавѣтной любовью! Какой новый чудный міръ открыть былъ гениальнымъ поэтомъ! . . . Раньше мы тоже не подозрѣвали его присутствія; раньше намъ и не въ думѣ было, какое безцѣнное сокровище въ нашихъ рукахъ, и при томъ всецѣло наше, нами созданное, — богатство, которое остается только растить и множить, чтобы черпать въ немъ новыя духовныя силы. . .

А этотъ разладъ мысли и желаній, борьба съ собой и съ окружающей средою! „Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ“, — этотъ неумирающій типъ, живущій подъ иными формами среди насъ и по настоящую еще пору! „Англійская складка“ не помѣшала ему быть продуктомъ чисторусской почвы, и если современный историкъ справедливо ищетъ его прототиповъ еще въ отдаленной старинѣ, то

впервые обнаружить существованіе самого типа удалось лишь художественной прозорливости поэта.

Наконецъ, весь бытъ и строй нашей жизни, провинціальный и великосвѣтскій, помѣщичій, чиновничій! Перелистуйте хотя бы одного только „Евгенія Онѣгина“: для насъ — это воскреснетъ цѣлая эпоха недавняго прошлаго, для современниковъ Пушкина — это было зеркало, гдѣ они впервые увидали себя, поняли, кто и каковы они...

Да, М. Г-ни и М. Г-ри, поэзія Пушкина, взятая въ ея цѣломъ, дала намъ неоцѣнимое сокровище: она раскрыла намъ глаза, давъ возможность увидѣть, познать самихъ себя.

Что такое познаніе самого себя?

Народное самопознаніе выражается въ проникновеніи сходными идеалами и интересами, въ сознаніи у даннаго общества своего національнаго Я, своей индивидуальной особенности и отличія среди другихъ народностей, — въ потребности и стараніи выдѣлить эту индивидуальность, не смѣшивая съ другими, — наконецъ, въ желаніи во что бы то ни стало отстоять ее отъ враждебнаго натиска, въ незыблемой готовности обезпечить ей просторъ и свободу.

Вѣками строилась Русская земля — соотвѣтственно этому росло, крѣпло въ русскомъ обществѣ и сознаніе своихъ національныхъ отличій, своего духовнаго облика. Много славныхъ работниковъ потрудилося на этой благородной нивѣ. Первоначально наше самоопредѣленіе носило характеръ религіозный; позже мы выдѣлили свое Я подъ влияніемъ политической идеи, подъ могучимъ ростомъ государственнаго организма. Окутанные сѣдымъ туманомъ прошлаго, отодвинулись отъ насъ далеко вдаль великіе борцы монгольской эпохи — они отстаивали русскую вѣру и жертвовали собою для блага будущихъ поколѣній; нѣсколько ближе, но тоже далеко стоятъ и тѣ, кто нѣкогда въ тиши московскаго захолустья терпѣливо собиралъ наши разрозненныя силы и ковалъ броню на защиту потомства; съ

благодарной памятью вспоминаемъ мы и тѣхъ отважныхъ, большей частью безвѣстныхъ героевъ, которые въ тяжелую годину вынесли на себѣ разрушительный шквалъ, что съ такой беспощадной яростью пронесся было три вѣка тому назадъ надъ Русской землей и чуть совсѣмъ не погубилъ работу прежнихъ поколѣній. . . Дивною, величавой фігурою вырастаетъ передъ нами Петръ и, бросая длинную тѣнь на прошлое, „заститъ собою весь древній періодъ русской исторіи“, открывая новые пути, новые горизонты для роста народнаго самосознанія. Чѣмъ ближе къ нашему времени, чѣмъ дальше отъ московской эпохи, тѣмъ больше и больше освобождались мы отъ представлений о религіозномъ и политическомъ единствѣ, какъ исключительной основѣ нашей національной самостоятельности. Отнюдь не отвергая этихъ основъ, по прежнему продолжая цѣпко держаться за нихъ, мы однако начинали провидѣть, что эта самобытность зиждется на всей совокупности нашихъ вѣрованій, вкусовъ, понятій, на всемъ духовномъ складѣ нашей жизни, на свойствахъ и чертахъ, правда, зачастую неуловимыхъ, но тѣмъ не менѣе стойкихъ и незыблемыхъ, какъ гранитъ. Но нуженъ былъ гений Пушкина, чтобъ раскрыть это съ непреложною ясностію.

Раньше, въ своемъ сознаніи, мы оставались лишь общечеловѣками — теперь намъ стало ясно, что мы прежде всего русскіе; теперь мы увидали тѣ особенности и спеціальныя черты, которыя дѣлаютъ насъ такими и отличаютъ отъ всѣхъ остальныхъ. Познавъ себя, могли мы увидеть свои достоинства и недостатки, понять, въ чемъ наша сила и слабость. Познавъ же свою силу, значить, и вѣру пріобрѣсти въ свои силы, а вѣдь только съ вѣрой въ себя и можно идти впередъ!

Вы скажете: да что-жъ тутъ особеннаго? Все это такъ просто: Тургеневъ и Гончаровъ, Достоевскій и Толстой, а за ними цѣлая когорта второстепенныхъ художниковъ-писателей со временъ Пушкина вплоть до нашего времени только и

знають, что „раскрывают“ намъ насъ. Но вѣдь Пушкинъ, а не иной кто обусловилъ это дальнѣйшее „раскрытіе“! Пушкинъ положилъ ему такое мощное начало! Идти теперь за нимъ по проложенному пути стало уже не такъ трудно.

Работа, совершенная Пушкинымъ, столь велика по своему значенію, что невольно оглядываешься назадъ и въ прошломъ ищешь ей объясненій. . . Вотъ уже десять вѣковъ минуло съ той поры, какъ выступилъ на поприще исторіи русскій народъ; за это время русская жизнь дала намъ трехъ гигантовъ, трехъ величайшихъ геніевъ: Владиміра Святого, царя Петра и Пушкина, которому по величію, размаху и результатамъ его творческой дѣятельности принадлежитъ полноправное мѣсто рядомъ съ тѣми двумя: первый — вдохнулъ пламень вѣры, приобщилъ насъ къ культурнымъ народамъ, посѣялъ вѣчныя идеи правды, истины, добра; второй — воплотилъ въ себѣ всю силу и мощь, накопленную вѣками развитіемъ государственнаго начала, величавымъ размахомъ руки очертилъ разъ навсегда тотъ широкій горизонтъ, въ просторныхъ предѣлахъ котораго съ тѣхъ поръ происходитъ культивированіе этихъ идей; третій — уловилъ форму, въ которую облеклись эти идеи, и тотъ духъ, которымъ онѣ прониклись въ сознаніи и въ творческой переработкѣ русскаго народнаго генія, а уловивъ и передавъ въ художественномъ образѣ, онъ и въ нашу собственную душу вдохнулъ силу самосознанія, положилъ начало духовной самостоятельности и равноправности съ другими культурными народами.

Неужели этого мало, чтобы признать въ Пушкинѣ одного изъ величайшихъ дѣятелей русской исторіи? . . Великій Пушкинъ! . . Но, говорятъ, великихъ людей создаетъ только великій народъ? . . . Такъ за одно уже это сознаніе да прогремитъ же во всѣ концы Русской земли наше благодарное слово, да не изсякнетъ во вѣки благоговѣйная память о великомъ поэтѣ! . . .

Е. Шмурло.